

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00322723 8

PG

3453

B2

1914a

t.6

(4)

This is an authorized facsimile of the original book, and
was produced in 1972 by microfilm-xerography by University
Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Balmont, Konstantin Dimitrievich

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

т. 6

Томъ Шестой —
Фейные Сказки
Злые Чары —
Издание ВТОРОЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“ 1911 —

PG
3453
B₂
1914a
t. 6

Y778 (691
of 38134

К. Д. Бальмонтъ.

Фейные сказки

дѣтскія пѣсенки

1905—Осень.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Солнечной Ниникѣ, съ свѣтлыми глазками —
Этотъ букетикъ изъ тонкихъ былинокъ.
Ты позабавишься Фейными сказками,
Послѣ блеснешь инѣ зелеными глазками,—
Въ нихъ не хочу я росинокъ.
Вечеръ далекъ, и до вечера встрѣтится
Многое на мъ, гномы, и страхи, и змѣи,
Чурь, не пугаться,—а если засвѣтятся
Слезки, пожалуюсь Фѣ.

К. Бальмонтъ.

Sillam gi Estl.
1905. Sept. 7.

Ф Е Я.

ФЕЯ.

Говорили мнѣ, что Фея,
Если даже и богата,
Если ей дарить лилеи
Много сновъ и аромата,—
Все жь, чтобы въ замкѣ пріютиться,
Нужень ей одинъ листокъ,
Имъ же можетъ нарядиться
Съ головы до ногъ.

Да, иначе быть не можетъ,
Потому что все въ ней нѣжно,
Ей сама Луна поможетъ,
Ткаль паукъ сплететь прилежно.
Такъ какъ въ мирѣ и не знаю
Ничего нѣжнѣе фей,
Нынѣ Фею выбираю
Музою моей.

НАРЯДЫ ФЕИ.

У Феи—глазки изумрудные,
Все на траву она глядитъ.
У ней наряды дивно-чудные,
Опалъ, топазъ, и хризолитъ.

Есть жемчуга изъ свѣта луннаго,
Какихъ не видѣлъ взоръ ничей.
Есть поясокъ покроя струинаго
Изъ якихъ солнечныхъ лучей.

Еще ей платье подъпечное
Далъ колокольчикъ полевой.
Сѣнилъ ей счастье безконечное,
Звонилъ въ цвѣтокъ свой голубой.

Росинка, съ грезой серебристою,
Зажглась алмазнымъ огонькомъ.
А зандышъ свѣткою душистою
Горѣлъ на свадьбѣ съ Свѣтанкомъ.

ПРОГУЛКА ФЕИ.

Фея въ садъ гулять пошла,
Такъ нарядна и свѣтла,
Говорить съ цвѣтами,
Ей цвѣты: Будь съ нами.

Фея, будь, какъ мы, цвѣтокъ,
Развернись какъ лепестокъ.
Будь рябинкой дикой,
Или павлинкой.

Будь Анютинъ глазкомъ,
Или синимъ василькомъ.
Иль еще, малюткой,
Синей незабудкой.

Прилетѣть на лепестокъ
Желтокрылый мотылекъ,
Хоботкомъ коснется,
Фея улыбнется.

Прилетать къ тебѣ пчела,
Прожужжть, не бойся зла,
Я лишь пыль сбираю,
Медъ приготовляю.

Покачнувъ на тынѣ хмѣль,
Прогудить мохнатый шмель:
Ну-ка, поцѣлую
Фею молодую.

А когда придетъ закатъ,
Всѣ цветы проговорятъ:
Въ росахъ умываться,
Спать приготовляться.

Фея слушала цветы,
Фея нѣжила листы,
Но, сама причуда,
Прочь пошла оттуда.

Или я на мотылька
Промѣняю свѣтлячка?
Не хочу мѣняться.—
И давай смыться.

Скрылась въ замокъ подъ листкомъ,
Забавлялась съ Свѣтлякомъ.
Цвѣтикомъ не стала,
Звонко хохотала.

ФЕЯ ЗА ДѢЛОМЪ.

Къ Феѣ въ замокъ собрались
Мошки и букашки.
Передъ ютимъ напились
Кашелекъ съ ромашки.

И давай жужжать, гадеть,
 Въ залѣ паутиной,
 Точно выискали клѣть,
 А не замокъ чинный.

Стали жаловаться всѣ
 Съ самаго начала,
 Что ромашка имъ въ росѣ
 Яду подмѣшала.

А потомъ на комара
 Жаловалась муха,
 Говорить, моль, я стара,
 Плакалась старуха.

Фея слушала ихъ недорѣ,
 И сказала: Вѣрьте,
 Миѣ вашъ гамъ и этотъ сорѣ
 Надоѣль до смерти.

И велѣла пауку,—
 Вставь съ воздушныхъ креселъ,—
 Чтобы тотчасъ на сукѣ
 Сѣти онъ развѣсилъ.

И, немедля, стала паукъ
 Вѣшать паутинки.
 А она пошла на лугъ
 Проверять росинки.

НАХОДКА ФЕИ.

Фея сдѣлала находку:
 Листикъ плавалъ по водѣ.
 Изъ листка построинъ лодку,
 Фея плаваетъ вездѣ.

Подъ стѣной рѣчного срыва
Показался ей налимъ,
Онъ мелькнулъ предъ ней красиво,
И исчезъ, неуловимъ.

Дальше, больше. Дышутъ травы
Въ свѣтломъ зеркальцѣ рѣки.
Цѣлымъ островомъ—купавы,
Цѣлымъ лѣсомъ—тростники.

Ей тритоны удивились,
Проползая бережкомъ,
И, смѣшные, похвалились
Ей оранжевымъ брюшкомъ.

Плавунцы въ водѣ чернили,
И пускали пузыри.
Обѣщались—въ самомъ дѣлѣ
Быть ей свитой до зарк.

Все бы, все бы было складно,
Да внезапно съ вѣтеркомъ
Стало сумрачно, прохладно,
Громыхнула далекій громъ

Лодку Феи вѣтеръ, вѣя,
Опрокинулъ,—не со зла,
Но однако жь вправду Фея
Утонуть въ рѣкѣ могла.

Но она лишь усмѣхнулась,
Мигъ,—и въ замокъ, до грозы,
Фея весело вернулась
На спинѣ у стрекозы.

РЪШЕНІЕ ФЕИ.

Солнце жаворонку силу пѣть даетъ,
Онъ до Солнца долетаетъ и поетъ.
Птичка жаворонокъ—пѣвчимъ птичкамъ царь.
На совѣтъ птицъ давно рѣшили, встарь.

Но рѣшеніе птицъ не принялъ соловей,
Онъ съ обидой дожидается ночей.
И какъ только означается Луна,
Соловьиная баллада всѣмъ слышна.

Фея молвила: Чего же спорить имъ?
Ну и глупые съ рѣшеніемъ своимъ.
Послѣ утра есть вечерняя заря,
Въ днѣ и ночи пусть намъ будуть два царя.

ЗАБАВЫ ФЕИ.

Пускала пузырики
Въ соломенку Феи.
Придворные лирики
Жужжали ей, рѣя:—
О, чудо-пузырики,
О, дивная Фея!

Пурпурные, синіе,
Нѣжнѣе, чѣмъ въ сказкѣ.
Какія въ нихъ линіи,
Какія въ нихъ краски!
Зеленые, синіе,
Какъ дѣтскіе глазки.

Но Феѣ наскучили
Жужжащія мошки.
Всегда вѣдь кавючили
Они на дорожкѣ.
Забавы замучили
Ей ручки и ножки.

Соломенку фейвую
Отъ Феи убрали.
Постельку лилейную
Готовить ей сташи.
И пѣснь тиховѣйшую
Ей сны напѣвали.

ВѢТЕРОКЪ ФЕИ.

Въ сказкѣ фейной, тиховѣйной,
Легкій Майскій вѣтерокъ
Колыхнулъ цветокъ лилейный
Нашепталъ миѣ пѣвье строки.

И отъ Феи лунно-нѣжной
Бросилъ въ пѣсни миѣ цветы.
И умчался въ міръ безбрежный,
Въ новой жаждѣ красоты.

А еще черезъ минутку
Возвратился съ гроздью розъ:
„Я ушелъ, но это въ шутку,
„Я тебѣ цветовъ принесъ“.

ЧАРЫ ФЕИ.

Я шелъ въ лѣсу. Лѣсь темный былъ
 Такъ странно зачарованъ.
 И самъ кого-то я любилъ,
 И самъ я былъ изволнованъ.

Кто такъ разижалъ облака,
 Опи совѣмъ жемчужны?
 И почему ручью рѣка
 Поетъ: Мы будемъ дружны?

И почему такъ ландышъ вдругъ
 Вздохнулъ, въ травѣ блѣднѣя?
 И почему такъ искренъ лугъ?
 Ахъ, знаю! Это—Фея.

ТРУДНО ФЕЙ.

„Фея”—шепнула сирени,
 „Фея”—призвь была стрижка,
 „Фея”—шепнула сквозь тѣни
 Ландышъ, очи смека.

„Фея”,—сквози изумрудно,
 Травки промолвила нить.
 Фея вадохнула: Какъ трудно!
 Всѣхъ-то должна я любить.

БЕЗПОРЯДКИ У ФЕИ.

Сегодня майские жуки
 Не въ мѣру были громки.
 И позабыли червики
 Минѣ освѣтить потемки.

Пошла бранить я Свѣтляка,
Чтобъ не давать поблажки.
Споткнулась вдругъ у стебелька
Ромашки или кашки.

И воть лежу я и гляжу,
Кто черный тамъ крадется.
Ни点儿 ума не приложу,
А сердце бьется, бьется.

И молвилъ кто-то грубо такъ:
„Послушай-ка, глядитка“.
Туть лампочку зажегъ Свѣтлякъ,
И вижу я—улитка.

Ползеть, разставила рога,
Вся мокрая такая.
„Ступай“,—сказалъ Свѣтлякъ, „въ зуга“,
Слегка ее толкая.

А я ему: „Вина твоя!
„Гдѣ былъ? Въ гостяхъ у муки?“
И въ эту ночь заснула я
Совѣтъ-совѣтъ не въ духѣ.

ФЕЯ ВЪ ГИЛЬВѢ.

Фея въ печку поглядѣла.
И пламя искрилось и рдѣло.
Уголочки отъ осинъ
Были ярки какъ рубины.

И сказала Фея: Еслѣ,
Здѣсь, предъ пламенемъ горящимъ,
И сижу въ узорномъ кресль,
И довольна настоящимъ,—

Вѣчно лѣ буду я довольна,
Или кратокъ будетъ срокъ?
И вскричала тотчасъ: Больно!—
Палъ ей въ ноги уголекъ.

Фея очень разсердилась.
Кресло быстро откатилось.
Отыскавъ въ углу сандала,
Фея ножку врачевала.

И, разгневавшись на печку,
Призываетъ Фея гнома.
Приказала человѣчку
Дѣлать, чтоб ему знакомо.

Тотъ скорѣе смыть сажи,
Все погасло въ быстрый срокъ.
Такъ темно, что страшно даже.
Былъ наказанъ уголекъ!

ФЕЙНАЯ ВОЙНА.

Царь муравейный
Съ свитой фейной
Вздумалъ войну воевать.
Всѣхъ онъ букашекъ,
Съ кашекъ, съ ромашекъ,
Хочеть теперь убивать.

Фея вздыхаетъ,
Фея не знаетъ,
Какъ же теперь поступить.
Въ Феѣ все нѣжно,
Все безмятежно,
Страшное слово — убить.

Но на защиту
Легкую свиту

Фея скорѣй созывать,
Миръ комаринѣй,
Царь муравьиній
Выслалъ опасную рать.

Мошки жужжали,
И верещали
Тонкимъ своимъ голоскомъ.
О, муравейникъ,
Это—репейникъ
Тамъ, гдѣ все гладко кругомъ.

Съ войскомъ мушинымъ
Шелъ по долинамъ
Въ пламени грозномъ Свѣтлякъ.
Каждый толкачикъ
Прыгаль какъ мячикъ,
Каждый толкачикъ быль врагъ.

Врагъ муравейный
Выстрѣлъ ружейный
Дѣлали, тряся хоботкомъ.
Путь съ колеями,
Весь съ муравьями,
Быль какъ траншеи кругомъ.

Небо затмилось,
Солнце укрылось,
Въ тучѣ сталъ громъ грохотать.
Каждая сила
Прочь отступила,
Вспугнута каждая рать.

Стягъ муравьиній
Листъ быль рябины,
Онъ совершенно промокъ.

Знаменемъ Феи
Цвѣтъ былъ лилей,
Весь его смялъ вѣтерокъ.

Споръ тотъ жестокий
Тьмой черноокой
Конченъ былъ прямо ни въ чью.
Выяснимъ, право,
Мошкамъ ли слава,
Слава ль въ войнѣ Муравью?

ВОЛКЪ ФЕИ.

Страинный Волкъ у этой Феи.
Я спросилъ его: Ты злой?—
Онъ лишился цветка лилей,
И мотнулся миѣ головой.

Это прежде, молъ, случалось,
Въ старинѣ былыхъ годовъ.
Злость моя тогда встрѣчалась
Съ Красной Шапочкой лѣсовъ.

Но, когда Охотникъ ряшныЙ
Распоролъ миѣ мой животъ,
Вдругъ исчезли всѣ обманы,
Все пошло наоборотъ.

Сталь я кроткій, сталь я мирный,
Здѣсь при Феѣ состою,
На балахъ, подъ рокотъ лирный,
Подзываю и пою.

Въ животѣ же, плотно сшитомъ,
Не убитые теперь.

Я кормлюсь травой и житомъ,
Я хоть Волкъ, но я не авѣрь.—

Такъ прошамкаль Волкъ мнѣ сѣрый,
И въ амбаръ съ овсомъ заѣзъ.—
Я жъ, дивясь ему безъ мѣры,
Поскорѣй въ дремучій лѣсъ.

Можетъ, тамъ другой найдется
Сѣрый Волкъ и злющий Волкъ.
Порохъ праздника дождется,
И курокъ ружейный—щелкъ.

А ужъ этотъ Волкъ, зилейный,
Ларный, мирный, и съ овсомъ,
Пусть онъ будетъ въ сказкѣ фейной,
И на ты съ дворовымъ псомъ.

ФЕЯ И БРОНЗОВКА.

Бронзовка—жука изумрудный,
Очень пріятный для взгляда.
Въ дружбѣ онъ жиль обоядной
Съ Феей волшебнаго сада.

Вмѣстѣ по дикой рибинкѣ
Въ часъ проходили урочныи.
Вмѣстѣ вкушали росинки,
Съ пылью мѣшаны цвѣточной.

Вмѣстѣ дождались расцвѣта
Яркаго пышнаго Мая.
И съ вступлениемъ Лѣта
Скрылись изъ этого края.

ФЕЯ И СНЪЖИНКИ.

Катаясь на конькахъ,
 На льду скользила Фея.
 Снѣжинки, тихо рѣя,
 Рождались въ облакахъ.
 Родились—и скорѣй,
 Сюда, скорѣй, скорѣе.
 Изъ міра снѣжныхъ фей
 Къ земной скользящей Феѣ.

ТРИ ПЕСЧИНКИ.

„Что можно сдѣлать изъ трехъ песчинокъ?“
 Сказала какъ-то мнѣ Фея водь.
 Я далъ букетикъ ей изъ былинокъ,
 И въ трехъ песчинкахъ ей далъ отчетъ.

Одну песчинку я брошу въ Море,
 Еї будеть любо, тамъ въ глубинѣ.
 Другая будеть въ твоемъ уборѣ,
 А третья будеть на память мнѣ.

ШЕЛКОВИНКА.

Изъ тонкой шелковинки я ниточку пряду,
 По тонкой шелковинкѣ тебя я поведу.
 Кусочекъ перламутра—лампадочка моя,
 Въ жемчужные покои войдемъ мы, ты и я.

Я тамъ тебѣ открою атласную кровать,
 И бабочки намъ будуть воздушно танцевать.
 И тонко такъ, хрустально, подобные ручью,
 Намъ часики смѣшные споютъ: „Баю-баю“.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

Бѣлки, зайки, мышки, крыски,
Землеройки, и кроты,
Какъ вы вновь миѣ стали близки!
Снова дѣтскіе цвѣты.

Незабудки расцвѣтаютъ,
Маргаритки щурятъ глазъ,
Подорожники мечтаютъ—
Вотъ роса зажжетъ алмазъ.

Вплоть до самой малой мошки,
Близокъ сталъ миѣ міръ живыхъ,
И амбистомы дорожки
Повели къ кустамъ мой стихъ.

А въ кустахъ, гдѣ все такъ дико,
Притаился хмурый ежъ.
Вонъ красиѣть земляника,
Сколько ягодъ адѣсь найдешъ!

Всѣ цвѣты на зевъ отвѣтятъ,
Развернувъ свои листки.
А въ почахъ твой путь освѣтятъ
Между травокъ свѣтилики.

УТРО.

Дѣточка, птичка моя,
 Дверку отрой.
 Это я,
 Мальчикъ твой.
 Ты котенкомъ меня назвала,
 Ты сказала мнѣ—мальчикъ, поэтъ.
 Ты причудливой съ первыхъ мгновеній была,
 И ко мнѣ возвратилось младенчество лѣтъ.
 Я принесъ тебѣ свѣжіе маки съ росой,
 Зацѣлую тебя, свѣтлоглазка моя.
 Ну, скорѣй же, отрой,
 Это я.

У ЧУДНИЦЪ.

Я былъ въ избушкѣ на курьихъ пожкахъ.
 Тамъ все какъ прежде. Сидѣть Яга.
 Пищали мыши, и рылись въ крошкиахъ.
 Старуха азая была строга.

Но я былъ въ шапкѣ, былъ въ невидимкѣ.
 Стаянула у Старой двѣ нитки бусъ.
 Разгнѣвала Вѣдьму, и скрылся въ дымкѣ.
 И вотъ со смѣхомъ кручу свой усть.

Пойду, пожалуй, теперь къ Кощею.
 Найду для пѣсень тамъ жемчуговъ.
 До самой пасти приближусь къ Змѣю.
 Узнаю тайны—и былъ таковъ.

СКАЗОЧКИ.

Помнишь, миленький дружокъ,
Помнишь, дѣточка моя:
„Шѣтушокъ, да пѣтушокъ,
„Золотой онъ гребешокъ”,
Сказку сказывалъ я.

Засмѣялась ты въ отвѣтъ,
Засмѣялась: „Ха, ха, ха!
„Вотъ какой смѣшишой поэтъ!
„Не хочу я, иѣть, иѣть, иѣть,
Говорить про пѣтуха”.

Я про коалика тогда
Началъ сказку говорить,
И журчала намъ вода.
Если бъ, если бъ намъ всегда
Въ этихъ сказочкахъ быть!

ЗАИНЬКА.

Заинька бѣленький хвостикомъ моргалъ,
Заинька въ садикѣ вкуснаго искалъ.
Заиньку въ садикѣ садовникъ увидалъ,
Выстрѣлилъ въ заиньку, выстрѣль не попалъ.

Заинька прочь ушелъ, пошелъ онъ въ огородъ,
Въ грядкахъ капустныхъ сталь сильный недочетъ.
Заиньку отдали амкѣ подъ надзоръ,
Амкастъ амка, но забка ловкій воръ.

Заиньку бѣлаго вьюга бережеть,
Заиньку полночь въ обиду не даетъ.
Заиньку бѣлаго ежели убьютъ,
Что же намъ пѣсенки веселыя споютъ!

КОШКИНЬ ДОМЪ.

Мышка спичками играла,
Загорѣлся кошкінъ домъ.
Нѣтъ, давай начну сначала,
Мышка спичками играла,
Передъ Васькой, предъ котомъ.

Промяукинулъ онъ на мышку.—
А она ему: „Кисъ-кисъ“.
„Нѣтъ“, сказаль онъ, „это—лишку“,
И за хвостикъ хватъ плутышку,
Едругъ усы его зажглись.

Котъ мяукать, котъ метаться,
Загорѣлся кошкінъ домъ.
Тутъ бы кошкѣ догадаться,
А она давай считаться,
Все поставила вверхъ дномъ.

Погубила ревность злзя,
Кошкінъ домъ сгорѣль до тла.
„Этой мышкѣ помогла я“,
Спичка молвила, пылая.—
Мышка до сихъ поръ цѣла.

ДѢТСКАЯ НѢСЕНКА.

Одуванчикъ ведумалъ взять
Самужъ маргаритку.
А червячъ, чтобы не отстать,
Замуяль взять улитку.

И лакуяль два цветка,
Счастливы другъ другомъ.

И улитка червяка
Назвала супругомъ.

Но мгновено улетѣлъ
Одуванчикъ бѣлый.
Маргариткѣ былъ удѣлъ
Стать вдовой несмѣлой.

А съ улиткой каблукомъ
Вмигъ была расправа,
Что же стало съ червякомъ,
Я не знаю, право.

ГЛУПЕНЬКАЯ СКАЗКА.

Курочки-хочлаточки
По дворику ходили.
Улиточки-рогаточки
По травкамъ слѣдъ водили.

Черненькая бархатка
Въ платыцѣ запала.
Черненькая бархатка
Въ складочкахъ прошала.

Дѣточка закрыла
Усталые глазки.
Дышить — и не слышитъ
Глупенькой сказки.

ТРЯСОГУЗКА.

Трясогузка, возлѣ зуки,
Хвостъ тряся изподтишка,
Говорила: „Почему же
„Всѣмъ стихи,—мнѣ нѣть стишкѣ?“

„Я ли бѣгаю не прытко?
 „Я ли мошечъ не ловлю?
 „Иль стихамъ нужна улитка?
 „Вотъ ужъ гадость. Не терплю“.

Трасогузка, чудо-птица,
 Ты малѣй мнѣ яркихъ звѣздъ.
 Ты... Но скрылась баловница,
 Повернувъ свой быстрый хвостъ.

СМѢШНОЙ СТАРИКЪ.

Вотъ какой смѣшной старикъ,
 Школьный дядька нашъ.
 Далъ намъ много скучныхъ книгъ,
 Но забылъ смѣшной старикъ
 Дать цвѣточныхъ чашъ.

Вотъ мы книги въ тотъ же мигъ,—
 Разъ, и пополамъ.
 Тутъ поднялся смѣхъ и крикъ,
 Позабыть смѣшной старикъ,
 Въ садъ скорѣй, къ цвѣтамъ.

Книги пусть читаетъ онъ,
 У него очки.
 Онъ такъ старъ и такъ ученъ,
 Намъ пріятнѣй видѣть кленъ,
 Хмѣль и васильки.

Книги пусть читаетъ онъ,
 И сидѣть въ шкафахъ.
 Мы же любимъ небосклонъ,
 Вольныхъ смѣховъ свѣтлый звонъ,
 Садъ въ живыхъ цвѣтахъ.

ГНОМЫ.

На лугу большія кучи
 Свѣже-вырытой земли.
 Ільто. Жарко. Полдень жгучій.
 Дымъ стоять вдали.

Кто адѣсь рылся? Можетъ, гномы,
 Всей смѣшной толпой своей,
 Строять нижніе хоромы
 Для своихъ царей?

Города во тьмѣ возводягъ,
 Строять замки подъ землей,
 И, уродливые, ходить
 Подъ моей ногой?

Зажигаютъ вырѣзныя
 Лампы въ царствѣ темноты?
 Нѣть, ошибся. То—слѣпые
 Черные кроты.

РУСАЛОЧКА.

Русалка съ звонкимъ хохоткомъ,
 Такимъ хрустально-чистымъ,
 И въ этомъ воздухѣ ночномъ,
 Такъ лунно серебристомъ,

Меня звала, и миѣ плела
 Такія небылицы,
 Моя разумность вдругъ прошла,
 И стала я легче птицы.

И въ воду, прямо въ воду къ ней,—
 Удержать ли обрывы!

Но, горе храбрости моей,
Русалочки смѣшины.

Я захлебнулся, чуть дышу,
Опѣ меня щекочутъ,
Какъ лягушонокъ, я пляшу,
А имъ-то что, хохочутъ.

И надавали мнѣ шленковъ,
Такихъ, сказать обидно.
Мелькнуль ихъ рой, и былъ таковъ.
Я—мокрый! Какъ мнѣ стыдно!

ЗА ГРИБАМИ.

Вотъ мы дружною семьей—
За грибами, въ лѣсъ.
Л да онъ, да ты со мной,
Старый лѣсъ воскресъ.

Былъ онъ тихій—темный боръ,
Пасмурно глядѣлъ.
А какъ нашъ раздался хоръ,
Весь онъ загудѣлъ.

Закрутился текоръ твой,
Загремѣлъ мой басъ.
Нашъ товарищъ фистулой
Подбодриетъ насъ.

Бѣлка слушала во снѣ,
И съ размаху—прыгъ.
Точь сорока въ вышинѣ
Подняла свой крикъ.

Можжевельникъ запуршалъ,
Вонъ тамъ чей-то глазъ.
Это лѣшій побѣжалъ,
Испугавшись нась.

Ну, товарищи, впередъ,
Вразсыпную вдругъ.
Тотъ, кто первый—грибъ найдетъ,
Онъ мой лучшій другъ.

Только, братцы, примѣчай,
Вотъ вамъ уговоръ:
Чтобы этотъ грибъ, пускай,
Былъ не мухоморъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Дѣтка, хочешь видѣть Рай?
Все забудь и засыпай.
Лишь храни мечту свою,
Баю-баюшки-баю.

Ты устала, отдохни,
Въ Небѣ сѣѣтся огни
И лампадка говорить:
Спи, малютка, Небо спить.

Баю-баю-баю-бай,
Потихоньку засыпай.
Что увидишь ты во снѣ,
Расскажи по-утру мнѣ.

Ты увидишь свѣтлый Рай,
Въ немъ цветы себѣ сбирай.
Будемъ вмѣсть мы въ Раю,
Баю-баюшки-баю.

РОДНИКЪ.

Прочь отъ елочки хмурной,
Мамо розъ и гвоздикъ,
До спрепи лазурной
Пробѣгаешь родникъ.

Отдаешь онъ прохладу
И листамъ и цветамъ,
Серебрится по саду,
Потерялся вонъ тамъ.

За зеленою оградой,
Гдѣ летаютъ стрижи,
Онъ возникъ серенадой
Въ честь желтѣющей ржи.

НОВЫЙ ДЕНЬ.

Небосводъ сегодня новый,
Свѣжій, свѣтлый, бирюзовый,
За почь мылся онъ дождемъ,
У зари онъ занялъ, рано,
И бѣлая, и румяна,
И лазурности притомъ,
Отъ лучистой желтой пыли
Облака его прикрыли
Всюю бѣлыхъ покрыцаль,
И зевнить нашъ день веселый,
И принадлѣхъ розамъ пчелы,
Нѣжа розовый бокалъ.

РАКОВИНКИ.

Раковинки, камешки, игрушки,
Сказки-травки въ зеркаль рѣки.
Жиль Старикъ и говорить Старушкѣ:—
Мы съ тобой зачахнемъ отъ тоски.

Говорить Старушка: Что же, Старый,
Создавай ты Море для людей.
Я создамъ ручьи, лѣсныя чары,
Жить тогда памъ будеть веселѣй.

Люди кораблей себѣ настроять,
Будутъ пѣть, браниться, и кричать.
Если жь мысли ихъ забезпокоить,
Ключь лѣсной имъ будеть отвѣтать.

Дѣти прибѣгутъ играть на взморье,
Море что и броситъ для дѣтей.
Имъ забава, намъ, сѣдымъ, подспорье,
Будеть Старымъ въ мірѣ веселѣй.

Зашумѣло Море кругаемое,
Притягнись по лѣсамъ ручьи.
Номолачать—и разольются вдвое,
Парусъ забѣльль, бѣгутъ ладьи.

И живетъ Старикъ, легко Старушкѣ,
По ручьямъ проходить огоньки.
Свѣтить травки, малыя подружки,
Раковинки, камешки, пески.

ЦВѢТОКЪ.

Отчего цвѣтеть цвѣтокъ,
Разгадать никто не могъ.
Но цвѣтокъ всегда цвѣтеть,
День за днемъ, за годомъ годъ.

И за годомъ годъ, всегда,
Свѣтить вечеромъ Звѣзда.
И для насть, вѣка вѣковъ,
Нѣть разгадки лепестковъ.

Но зачѣмъ разгадка мпѣ,
Если я молюсь Веснѣ,
Если я въ вечерній часъ
Гадъ, что вотъ, Звѣзда вожгласъ.

Но зачѣмъ загадка сновъ,
Если пѣженъ лихъ цвѣтовъ,
Если вводить насть цвѣты
Въ вѣчный праздникъ Красоты.

БЫЛИНКИ

КАКЪ Я ПИШУ СТИХИ.

Рождается внезапная строка,
За ней встаетъ немедленно другая,
Мелькаетъ третья ей издалека,
Четвертая смеется, набѣгая.

И пятая, и послѣ, и потомъ,
Откуда, сколько, я и самъ не знаю,
Но я не размышляю надъ стихомъ,
И, право, никогда — не сочиняю.

ЛУЧШЕ.

Я не хотѣлъ бы стать грозой,
Въ ней слишкомъ-слишкомъ много грома.
Я бъ лучше сдѣлался росой,
Ей счастье тихое знакомо.

Я бъ лучше сдѣлался цветкомъ,
Какъ цветъ расцвѣть бы самый малый.
Ему не нуженъ шумъ и громъ,
Чтобъ быть счастливымъ въ грезѣ алой.

ЗЕРНО.

Трудовые мечты,
Золотое зерно.
Торжество Красоты,
Какъ мнѣ близко оно!

Какъ мнѣ радостенъ видѣ
Лошаденки простой!
Въ глыбахъ пашни скользитъ
Солнца лучъ золотой.

Озимыя поля,
Созрѣваніе нивъ.
Молодая земля,
Лицъ твой вѣчно-красивъ.

Серпъ съ косою—мечи!—
И побѣдность сохи
Мнѣ поють какъ лучи,
Мнѣ горятъ какъ стихи.

Сынъ Земли я и Двя,
Неразрывно звено.
И въ душѣ у меня
Золотое зерно.

РОСИНКА.

Росинка дрожала
На тонкомъ листкѣ.
Рѣчонка дышала,
Шурша въ тростникѣ.

Въ роснику гляжу я,
И вижу, что въ ней
Играеть, ликую,
Такъ много огней.

Зеленый и сплѣй,
И красный, горятъ,
И бѣлый, какъ ивѣй,
И свѣтлый, какъ взглядъ.

Всѣ краски люблю я,
Плѣнительный видъ,
Нѣжнѣй поцѣлуя,
Росинка горята.

Дань мигъ ей лишь краткій.
Исчезнетъ потомъ.
Но листъ ей, украдкой,
Здѣсь выстроилъ домъ.

Ихъ еле замѣтишь,
Такъ малы они.
Но гдѣ же ты встрѣтишь
Такіе огни?

ЛѢСНЫЕ КОРАЛЛЫ.

Зелены мшишки
Росли на соснѣ.
Изумрудны жили шушинки
Въ лѣсномъ зачарованномъ сиѣ.
Сосны были огромны,
Многозвонно гудѣль этотъ боръ.
Но кораллы зеленые мшишокъ, мечтательно скромны,
Не слыхали вершинный тогъ хоръ.
И не видѣли мшишки,
Какъ лѣсные цвѣты,
Затаивши росинки,
Раскрывали тревожно листы.
И ничего не хотѣли они, лишь рости и рости, умножая
Острова изъ коралловъ зеленыхъ на сѣрой смолистой корѣ,
Никому не мѣшай,
И свѣтись подъ лучомъ, и трикратно свѣтись на зарѣ.

КАПЛИ СМОЛЫ.

Липкія капли смолы
Съ этой сосны мы сберемъ.
Богу лѣсному хвалы
Голосомъ свѣтлымъ споемъ.

Яркій воздвигнемъ костеръ,
Много смолистыхъ вѣтвей.
Будеть онъ радовать взоръ
Пляской змѣистыхъ огней.

Капли душистой смолы
Будуть горѣть, какъ свѣча.
Богу лѣсному хвалы,
Радость огней горяча.

ГРОЗОВОЙ КОСТЕРЬ.

Въ небѣ духи жгли костеръ,
Грозовые исполини.
Раскаленные рубиши
Освѣтили грани горъ.

Былъ раскидистымъ закатъ,
Захватилъ въ горахъ изломы.
Мигъ, и вотъ хохочутъ громы,
Набѣгающе гремятъ.

Весь надоблачный просторъ
Былъ—надъ настровъ горъ земетесенный,
Исполинами зажженній,
Торжествующій костеръ.

БЕРЕЗА.

Береза родная, со стволомъ серебристымъ,
 О тебѣ я въ тропическихъ чащахъ скучалъ.
 Я скучалъ о сирени въ цвѣту, и о немъ, соловьи голосистомъ,
 Обо всемъ, что я въ дѣтствѣ съ мечтой обвѣнчалъ.
 Я былъ тамъ далеко,
 Въ многокрасочной пряности пышныхъ ликующихъ странъ.
 Тамъalonьщая пума враждебно такъ щурила око,
 И предъ быстрой грозой оглушалъ меня ревъ обезьянъ.
 Но, тихонько качаясь,
 На тяжеломъ, чужомъ, мексиканскомъ сѣдлѣ,
 Я душою дремаль, и, воздушно во миѣ расцвѣчаясь,
 Возставали родимыя тѣни въ серебряной мглѣ.
 О, весенія грозы!
 Дѣтство съ вѣткой сирени, въ вечерней тиши соловей,
 Зыбы и шопотъ листьевъ этой милой плакучей березы,
 Зачарованность сновъ—только разъ расцвѣтающихъ дней!

СМѢХЪ РЕБЕНКА.

Смѣхъ ребенка за стѣной,
 Близко отъ меня,
 Вѣять свѣжею весной,
 Говорить о власти дня.

Это сказка, это сонъ,
 Что изъ нѣжныхъ струй
 Легкій стебель вознесенъ,
 Воинственній поцѣлуй.

Легкій стройный стебелекъ,
 Съ ласковымъ цвѣткомъ,
 Заяиль, въ мірѣ, новыхъ строкъ,
 Штичка съ светлымъ хохолкомъ.

Птичка съ свѣтымъ голоскомъ,
Пой мнѣ безъ конца,
Будь мнѣ сказкой, будь цветкомъ,
Будь улыбкою лица.

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ.

Анютины глазки,
Жасминъ, маргаритки,
Вы—буквы на свиткѣ
Поблекнувшей сказки.

Вы гдѣ-то дышали,
Кому-то свѣтили,
Безъ слезъ, безъ печали,
Вы жили, вы были.

И вотъ чрезъ мечтанья,
Воздушны и зыбки,
Вы шлете сіянья,
Дарите улыбки.

Вы шлете мнѣ ласки,
Въ бессмертномъ избыткѣ,
Жасминъ, маргаритки,
Анютины глазки.

БАБОЧКА.

Помню я, бабочка билась въ окно.
Крылышки тонко стучали.
Тонко стекло, и прозрачно оно.
Но отдѣляетъ отъ дали.

Въ Маѣ то было. Миѣ было пять лѣтъ.
 Въ нашей усадьбѣ старинной.
 Узинцѣ воздухъ вернулъ я и свѣтъ.
 Выпустилъ въ садъ нашъ пустынны.

Если умру я, и спросятъ меня:—
 Въ чёмъ твое доброе дѣло?—
 Молвлю я: Мысль моя майскаго дня
 Бабочкѣ вѣа не хотѣла.

ЗОЛОТОЙ И СИНИЙ.

Солнечный подсолнечникъ, у тыпа выросъ ты.
 Солнечные издали намъ видны всѣмъ цвѣты.
 На поляхъ мы полемъ адѣсь нашъ красивый ленъ.
 Къ голубому льну идеть золотистый сонъ.

Съ Неба оба намъ даны на земныхъ поляхъ.
 Ярки въ цвѣтѣ, темны вы въ сочныхъ сѣменахъ.
 Утренний подсолнечникъ, ты—солнце на землѣ.
 Синій ленъ, ты—лунный ликъ, ты свѣтъ луны во мглѣ.

ПАУТИНКИ.

Отъ сосны до сосны паутинки зажглись,
 Протянулись, блеснули, качаются.
 Вотъ потянутся вверхъ, вотъ ужъ зыблются внизъ,
 И осеннимъ лучомъ расцвѣчаются.

Какъ ни иѣженъ, дитя, дѣтскій твой поцѣлуй,
 Онъ порвалъ бы ихъ тонкимъ касаніемъ.
 Лучъ осенний, свѣти, и блести, закодлуй
 Двѣ души паутиннымъ сияніемъ.

ОНЪ СПРОСИЛЪ МЕНЯ.

Онъ спросилъ меня:—Ты вѣришь?—
Нерѣшительное слово!
Этимъ звукомъ не измѣришь
То, въ чёмъ есть моя основа.

Да не выражу я блѣдно,
То, что ярко ощущаю.—
О, съ бездопинствомъ, побѣдно,
Ослѣпительно—я знаю!

БЕЗСМЕРТИИКИ.

Безсмѣртии, витъ жизни, я мальчикъ былъ совсѣмъ,
Когда я васъ увидѣлъ, и былъ предъ вами нѣмъ.
Но чувствовалъ я то же тогда, что и теперь:—
Вы точкай знакъ оттуда, куда ведетъ пасъ дверь.

Тяжелая, съ замками, вся расписная дверь,
Съ однимъ лишь словомъ въ скрипѣ, когда отворишь:—Вѣрь.—
Безсмѣртии, и знаю. Чего намъ медлить тутъ?
Мы жили здѣсь. Довольно. Насъ въ новый міръ зовутъ.

ВЕСЕЛАЯ ОСЕНЬ.

Щебетанье воробьевъ,
Тонкій свистъ синицъ.
За громадой облаковъ
Больше нѣть зарницъ.

Громы умерли на дѣтѣ
Голубыхъ небесъ.
Весь въ пурпуровомъ огнѣ
Золотистый лѣсъ.

Вѣтеръ быстрый пробѣжалъ,
Колыхнула парчу.
Цвѣтъ рабинъ алымъ сталъ,
Пѣснь поеть лучу.

Въ грезѣ красочной я длю
Звонкую струну.
Осень, я тебѣ люблю,
Такъ же, какъ Весну.

ОСЕННЯЯ РАДОСТЬ.

Радость можетъ ждать на каждомъ поворотѣ.
Не грусти. Не надо. Посмотри въ окно.
Осень, въ желтыхъ листьяхъ, въ пѣжной позолотѣ,
Медленно колдуетъ. Что намъ суждено?

Развѣ мы узнаемъ? Развѣ разгадаемъ?
Будемъ ждать, что чары улыбнутся намъ.
Шлѣска мертвыхъ листьевъ завершится Маень.
Лютники засвѣтить снова по лугамъ.

Даже и сегодня... Умъ предавъ заботѣ,
Шелъ я, хмурый, скучный, по лѣсной глуши,
Вдругъ, на самой тропкѣ, да, па поворотѣ,
Красный цвѣтъ мелькнулъ маѣ въ ласковой тиши.

Сиѣлая рабина прямо предо мною,
Алая калина тутъ же рядомъ съ пей.
Мы нарвемъ вѣтвей ихъ на зиму съ тобою,
Предъ окномъ новѣсимъ комнатки твоей.

Прилетѣть синтиль, смѣшной и неуклюжій,
Раза два чиркнуть, клюнетъ, да и прочь.
И мятель завоетъ, все затинеть стужей,
Но зимой, предъ лампой, такъ уютна ночь.

И пока на всполье будуть святы выюги,
 Сонъ тебя овѣтъ грезой голубой.
 „Милый, что я вижу! Лютники на лугъ!
 „Хороводы травокъ! Ахъ, и я съ тобой!”“

ОСЕНЬ.

Поспѣваетъ бруслика,
 Стали дни холоднѣе.
 И отъ птичьяго крика
 Въ сердцѣ только грустнѣе.

Стан птицы улетаютъ,
 Прочь, за синее Море.
 Всѣ деревья блестаютъ
 Въ разцвѣтномъ уборѣ.

Солнце рѣже смеется,
 Нѣть въ цѣтахъ благовонья.
 Скоро Осені проснется,
 И заплачетъ спросонья.

ОСЕННІЙ ВОЗДУХЪ.

Пахнетъ грибами, листомъ перепрѣлымъ,
 Пахнетъ и чѣмъ-то другимъ,
 Точно горѣлымъ.
 Въ синей дали наползающій медленный дымъ.
 Дымъ и ползетъ, и какъ будто бы ждетъ онъ чего-то,
 Будто бы онъ говорить:
 Вотъ я, идите же.
 Это горитъ
 Торфяное болото.

ИЗМОРОЗЬ.

Журавли потянули.
 Улетают на Югъ.
 Льсъ—въ немолкнущемъ гулѣ.
 Вѣтры сильно дохнули.
 Затуманился лугъ.
 Утромъ изморозь мѣтеть,
 На травѣ, на окнѣ.
 Кто-то вѣтъ и рѣтъ,
 Хочетъ власти—не смѣтъ,
 Но отсрочка лишь въ днѣ.

БУСИНКИ.

Моросить. Какъ бы росинки
 Возникаютъ на рукахъ,—
 Эти чудо-бисеринки,
 Этотъ нѣжный, влажный пражъ.
 Эта бусинки свиданья
 Чуть блеснуть, и вотъ ихъ нѣть.
 Лишь на краѣ одѣянья—
 На минутку —свѣтлый слѣдъ.

КЪ ЗИМѢ.

Льсъ совсѣмъ ужъ сталъ сквозистый,
 Рѣдки въ немъ листы.
 Скоро будетъ снѣгъ пушистый
     Падать съ высоты.
 Опушить памъ окна наши,
     Въ дѣтской и вездѣ.
 Загорятся заѣзды краше,
     Ледъ прильнетъ къ водѣ.
 На конькахъ начнемъ кататься
     Мы на звонкомъ льду.

Будеть смѣхъ нашъ раздаваться
 Въ паркѣ на пруду.
 А въ затишья комнаты—прятки,
 Въ четь и печеть—счетъ.
 А потомъ настапутъ Святки,
 Снова Новый Годъ.

СѢДОЙ ОДУВАНЧИКЪ.

Одуванчикъ, цѣлый чірь,
 Круглый какъ земля,
 Ты зовешь меня на пиръ,
 Серебря поля.

Ты мнѣ ясно говоришь:
 Расцвѣтай съ Весной.
 Будеть пѣга, будеть тиши,
 Будь въ весельи мной.

Посѣдѣешь, отцвѣтешь,
 Разлетишься весь.
 Но тоска и страхи—ложь,
 Счастье вѣчно здѣсь.

Посѣдѣешь, но сѣдой
 Помни свой чередъ.
 Будешь снова золотой,
 Утромъ, черезъ годъ.

ИЗМѢНЧИВОСТЬ.

Одуванчикъ Желтымъ былъ,
 Сѣдался сѣдымъ.
 Жарь огня меня слѣпилъ,
 Но надъ имъ былъ дымъ.

Листья были изумрудъ,—
Желто-красень лѣсъ.
Ну, такъ что жь, зови на судъ
Произволъ Небесъ.

Все непрочно, молъ, вокругъ,
Хрупки жемчуга.
Маѣ же миль мой вешній лугъ,
Любы и снѣга.

И прекраснѣе всего
Въ снѣ, чье имя—дымъ,
То, что каждый мигъ его
Дѣлаеть инымъ.

ЗИМА.

Поля затянуты недвижной пеленой,
Пушисто-блѣдными снѣгами.
Какъ будто навсегда простился міръ съ Весной,
Съ ея цветками и листками.

Окованъ звонкій ключъ. Онъ у Зимы въ плѣну.
Одна мятель поеть, рыдая.
Но Солнце любить кругъ. Оно хранить Весну.
Онть вернется, Молодая.

Она пока пошла бродагъ въ чужахъ краяхъ,
Чтобъ міръ извѣдалъ сновидѣнья.
Чтобъ видѣлъ онъ во снѣ, что онъ лежитъ въ снѣгахъ,
И выногу слушаетъ какъ пѣнье.

ОДУВАНЧИКЪ.

Въ безконечности стремленья безконечность достиженья,
Тотъ, кто любить утро Мань, долженъ вѣчно ждать Весны.
Въ каждомъ мигѣ быстролетномъ свѣтоносность есть внушенья,
Изъ песчинокъ создаются золотые сны.

Мигъ за мигомъ въ Небѣ вьются звѣздовидныя снѣжинки,
Съ вѣтромъ падаютъ на Землю, и лежать какъ бѣлый слой.
Но снѣжинки сонъ лѣтютъ, то—цвѣточныя пушинки,
Нѣжный снѣжій одуванчикъ съ влажною Весной.

СНѢЖИНКИ.

На дѣтскую руку упали снѣжинки,
На маломъ мизинчикѣ восемь ихъ было число.
Различную форму явили пушинки,
И всѣ такъ мерцали воздушно-свѣтло.
Вотъ крестики встали, вотъ звѣзды мелькнули,
Какъ мягокъ сквозистый ихъ свѣтъ.
По дѣтской пальчики чуть щечельнули,—
|| бодрюще ихъ пѣтъ.

Миѣ дѣвочкѡ говарива!
Ты—мой Волшебный Фей,
О, нужно очень мало
Для полевыхъ стеблей!

Имъ дай лишь каплю влаги,
Имъ дай одинъ лишь лучъ,
И цвѣтъ расцвѣтшей саги
Въ безгласности пѣвучъ.

Свѣтлоголовкѣ малой
Я сказку разсказаъ.
Я былъ предъ тѣмъ усталый,
Предъ тѣмъ я духомъ палъ.

Изъ слезъ моихъ незримыхъ,
Изъ смѣха усть моихъ,
Я сплю—о серафимахъ
Прозрачно-свѣтлый стихъ.

И цвѣтъ раскрылся алый
Въ устахъ мечты моей,
И я—не мракъ усталый,
А я—Волшебный Фей.

ТОНЫШЕ.

Чѣмъ топыше влажный прахъ, чѣмъ Влага безтѣснѣй,
Тѣмъ легче пѣнисты слагаютъ кружева.
Чѣмъ ты въ своихъ мечтахъ свободнѣй и небеснѣй,
Тѣмъ обольстительнѣй, чудеснѣй
Твой сонъ.

РУСАЛКА

Нѣ лиофіной водѣ, нѣ жемчужинѣ берегахъ:
Нынѣ русалка въ блескѣ чудномъ.
Она глядѣла вдалъ, скользила въ тростникахъ,
Была въ нарядѣ изумрудномъ.

На берегахъ рѣки, изъ цѣльныхъ жемчуговъ,
Не возникало травъ на склонахъ.
Но нѣжный изумрудъ былъ весь ея покровъ,
И нѣженъ цвѣтъ очей зеленыхъ.

Надъ нею догорадъ оранжевый закатъ,
 Уже зажглась Луна опаломъ.
 Но устремляла вдаль она лучистый взглядъ,
 Плывя въ течениі усталомъ.

Предъ нею звѣда была межъ дымныхъ облаковъ,
 И вотъ она туда глядѣла.
 И всѣ роскошства жемчужныхъ береговъ
 За ту звѣду отдать хотѣла.

СВѢТЛЫЙ МІРЪ.

Тонкій, узкій, длинный ходъ
 Въ глубь земли мечту ведеть.
 Только спустившись туда,
 Встрѣтишь замки изо льда.

Чуть сойдешь отсюда внизъ,
 Разноцвѣтности зажглись.
 Смотрить чей-то свѣтлый глазъ,
 Лунный камень и алмазъ.

Тамъ опалъ сѣжитъ, а тутъ
 Расцвѣтаетъ изумрудъ.
 И услышишь въ замкахъ тѣхъ
 Флейты, лютни, нѣжныи смѣхъ.

И увидишь чьихъ-то ногъ
 Тамъ хрустальный башмачекъ.
 Льды, колонны, свѣтъ, сѣга,
 Нѣжность, сиѣжность, жемчуга.

Тонкій, узкій, длинный ходъ
 Въ этотъ свѣтлый міръ ведеть.
 Но, чтобы знать туда пути,
 Нужно бережно идти.

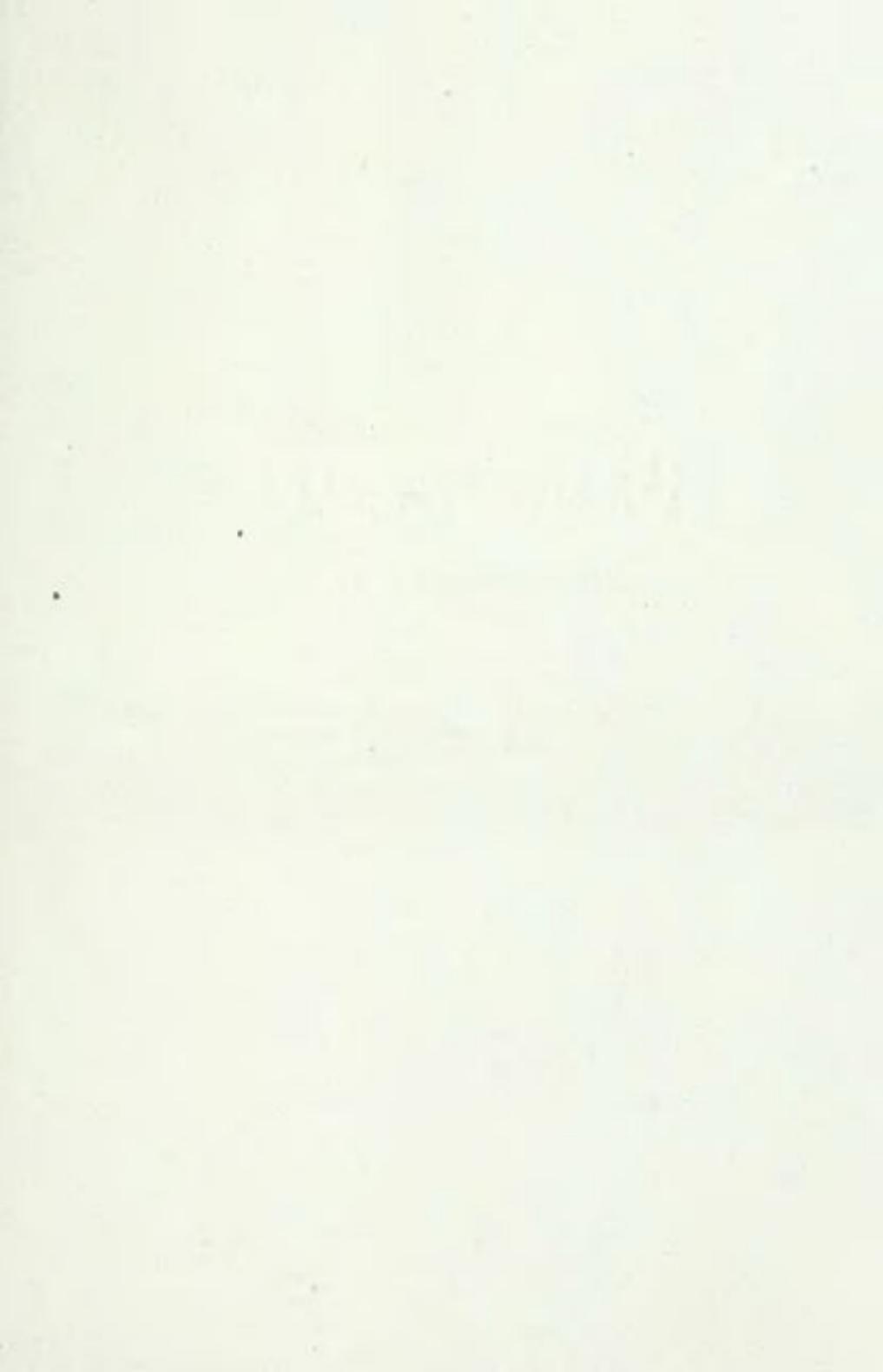
ЗЛЫЯ ЧАРЫ

КНИГА ЗАКЛЯТИЙ

Долго ночь меркнетъ; зоря сѣть
запала; мгла поля покрыла.

Кровавыя зори сѣть повѣдають;
черныя тучи съ моря идутъ; хотятъ
прикрыти чѣтыре солнца; а въ нихъ
трепещутъ синія молнии.

Слово о полку Игоревѣ

ОТСВѢТЫ РАКОВИНЪ

О, жемчугъ словъ, отысканный въ
морскихъ глубинахъ серща, твом уво-
ры красивы, но смыслъ твой горекъ,
какъ морская вола.

Космогонія Шайевъ

ЗОВЪ.

Я овѣянъ дыханьями многихъ морей,
Я склонился надъ срывами горъ,
Я молился вѣтрамъ: „О, скорѣе, скорѣй!“,
Я во всемъ уходилъ на просторъ.

Я не знаю цѣпей, я не вѣдаю словъ
Возбранить чын бѣ то ни было сны,
Я для алѣшихъ враговъ не хотѣлъ бы оковъ,
А желалъ бы улыбки весны.

Я не знаю тоски, я сильнѣе скорбей
На разгульномъ пиру бытія,
Я овѣянъ дыханьями вольныхъ морей,
Будьте вольными, братья, какъ я!

НО ЕСЛИ.

Но если ты спѣжный
И если морозныи,—
Хотя я и иѣжный,
Все жь буду я грозный.

Рожденный отъ свѣта
Не знаетъ врага,
Но силой привѣта
Ростопчать снѣга.

Я вѣчная сила
Души полновольной,
Не помнить, что было,
Восторгъ мой безболный.

Но если ты вдвое,
Да мучить другихъ,—
Иное, другое
Расскажеть мой стихъ.

ОРГІЯ ЖИЗНИ.

Орелъ точить когти. Крадется волкъ прерій.
Сова направляетъ окольный полетъ.
Безжалостны птицы. Безъ жалости авѣри.
Безжалостность—свойство всѣхъ тѣхъ, кто живеть.

Верховные геніи этого міра,
Зарѣзаннымъ горломъ мы кормимъ свой день.
Намъ трупы животныхъ—услада для пира,
Тутъ пижная дѣва—безчувственный пень.

Нерѣбо мы думаемъ, будто растенія
Суть злость улыбки и пѣжныи цвѣтокъ.
Нѣть, въ мірѣ растеній—борьба, убінье,
И петли ихъ усиковъ—страшный намекъ.

Ухватить, удушать, ихъ корни лукавы,
И цвѣть орхиден есть лики налача.
Люблю я растенія, но травы—удавы
И тонкость осоки есть тонкость меча.

ТАЛИСМАНЫ.

Судьба на утрѣ днѣй дала мнѣ талисманы,
Число ихъ было три, и разны смыслы ихъ.
Одинъ меня повель въ неизвѣдомыя страны,
И тамъ я въ первый разъ влюбленный былъ женихъ.

Другой мнѣ извѣяснилъ искусство завладѣнья
Сердцами,—и сердецъ покорныхъ не сочту.
А третій мнѣ явилъ тропинку нисхожденья—
Не въ глубину земли—въ меня, въ мою мечту.

И первый талисманъ, смѣясь, я бросилъ въ Море,
Второй швырнулъ въ окно, быть можетъ, подниму.
Но третій талисманъ—звѣзда въ моемъ уборѣ,
Я вѣрую теперь ему лишь одному.

ПИРЬ ЛЮБВИ.

Я бросилъ весело бокаль.
Ребенокъ звонко хохоталъ.
Спросилъ его, чего онъ такъ.
Сквозь смѣхъ онъ молвилъ мнѣ:—Чудакъ!

Бокаль любви разбилъ, но вновь
Захочешь пить, любить любовь.—
И въ тотъ же мигъ—о, какъ мнѣ быть?—
Я захотѣлъ любить и пить.

Куски я съ полу подобралъ,
Изъ нихъ составилъ вновь бокаль.
Но, весь израненный, я вновь
Не сладость пилъ, а только кровь.

ГРѢХЪ.

Кто создалъ безумное слово,
О, слово постыдное:—Грѣхъ!
Чуть смоешь пятно, вотъ оно означается снова,
Мѣшаетъ, мѣняетъ, глупить, и уродуетъ смѣхъ.

Какъ жалкій воришакъ,
Запрячется въ спальню, въ углу притается какъ мышь,
И смотрѣть—межъ двухъ не случится ли въ ласкахъ налишка,—
Скривится, чу, шорохъ: „Довольно“, „Не болѣе“, „Лишь“.

Лишь то, а не это. Лишь тотъ, и не съ этой, а съ тою.
Вотъ только. Вотъ столько. Шинѣнья, шуршанье змѣи.
О, дьяволъ убогій, крошишь ты святою водою,
Но гдѣ освятить ты поганыя брызги свои?

Прочы! Прочь, говорю я!
Здѣсь грѣшенъ лишь тотъ, кто осмѣлится вымолвить: „Грѣхъ“.
О, свѣжесть ручьевъ! О, смѣющійся звукъ поцѣлуй!
Весна и разливы! Счастливый ликующій смѣхъ!

СМѢНА ЧАРЬ.

Въ дѣтствѣ искра изъ камина
Брызнетъ, бросится—и намъ
Въ этомъ цѣлая картина,
Пляшутъ тѣни по стѣнамъ.

А позднѣй мы любимъ свѣчи,
И страницы старыхъ книгъ.
Послѣ сказокъ—сказку встрѣчи,
Поцѣлуй, любовь на мигъ.

Послѣ—пламенность, пожары,
Зажигать, сжигать, горѣть.
А потомъ—какія чары?
Только—умереть?

РЕБЕНОКЪ.

Ребенокъ, весь свѣтлый, такъ мало курчавый,
Сказалъ мнѣ: „Иду за тобой я,—а ты?
За кѣмъ?” Распукались весенняя травы,
Пестрѣли, желтѣли цвѣты.
И я, разсмѣявшиясь, сказалъ: „За стихами.
Стихи—вонъ за тѣмъ мотылькомъ.
А онъ съ вѣтеркомъ—за цвѣтками,
И вмѣстѣ играютъ они лепесткомъ”.
— „А все они вмѣстѣ?” — „За Солнцемъ веселымъ”.
— „А Солнце?” — „За Тьмою”. — „Какъ, Солнце за Тьмой?
Ты шутишь! Ты гадкий!” О, медомъ тяжелымъ
Наполненъ цвѣтокъ полено!

ДѢТСТВО.

Какъ прелестенъ этотъ бредъ,
Лепетъ дѣтскихъ словъ.
Предумышленности нѣть,
Нѣть въ словахъ оковъ.

Сразу—Солнце и Луна,
Звѣзды и цвѣты.
Вся Вселенная видна,
Нѣть въ ней темноты.

Все что было—здѣсь сейчасъ,
Все что будеть—здѣсь.
Почему жь ты, Миръ, для насть—
Не ребенокъ, весь?

ТУЧКА.

Ты родилась, чтобы тучкой быть,
Чтобы небо пёжить и любить.
Но, памятная судьбой,
Ужь ты не въ бездѣ голубой.

Ты небо пёжила легко,
Ты тучкой рдѣла высоко,
Но въ страшный часъ, но въ бурный часъ,
Ты впізъ, слезами, пролиласъ.

ИЗБУШКА.

Въ лѣсу избушка малая
Стоитъ себѣ одна.
Дрема раскрылась алая,
Окончилась весна.

Настали дни расцвѣтные
Іюльской красоты.
Вновь думы безотвѣтны:
О, гдѣ же, гдѣ же ты?

Надѣмъ цветные бусы я.
И сяду надъ рѣкой.
Поинкнуть косы русые,
Я думаю съ тоской.

Ты мнѣ сказаль: „Желанная!
Опять къ тебѣ приду“.
И слова ночь обманная,
Опять напрасно жду.

Ужь листья осыпаются,
Ужь осень на дворѣ.
Ужь стаи птицъ скликаются,
За лѣсомъ, на зарѣ.

И я ли не ледила
Завѣтныя мечты!
А вѣдь ихъ, вѣдь развѣяло,
Какъ лѣтніе цвѣты.

Наплакалась, памучалась
Осениня пора.
И плакаться соскучилась,
Уходить со двора.

Настали дни холодные,
Повсюду снѣгъ и ледь.
Пути застыли водные,
И лишь матерь поеть.

Сугробы треплетъ бѣлые,
Подъ кровлей шелестить.
За сучья опѣмѣлые
Зацѣнится, свистить.

Кричать какъ вѣдьма шалая,
И стонеть тишина.
Моя избушка малая
Въ лѣсу одна, одна.

ДВА СТРОЯ.

1.

Я помню яспо. Все. Была весна.
 Я болень, бѣденъ, жалокъ, я не понять.
 Но развѣ не весной мечты хоронять?
 Въ душѣ былъ страхъ, недвижность, глубина.

Я медлилъ у высокаго окна.
 Миѣ милюсь: за стѣною кто-то стонеть.
 Любимая, проклятая, жена—
 Не слышно ей, что духъ мой, духъ мой тонеть.

Я бросился на камни сквозь окно.
 Но не было Судьбой мнѣ суждено
 Достичь конца чудовищной ошибки.

И я лежалъ, разбитый, на землѣ.
 И слышалъ, какъ вверху, въ лучистой мглѣ,
 Роялю—отвѣчали звуки скрипки.

2.

Прошли года. Я въ прошломъ вновь Живу.
 Я въ память заглянулъ, какъ въ кругъ зеркальный.
 Наломанный и спящій нальу,
 Я въ пропасти какой-то, изначальной.

Недосыпаемъ сводъ Небесъ хрустальный.
 Заклѣтый замокъ жизни весь во рву.
 Въ разылости двухъ душъ, я, соинъ печальный,
 Проклятъ никого не назову.

Спасенный странной помощью Незримыхъ,
Я есть свои изломы исцѣлить.
Я всталъ съ земли въ сілныи свѣжихъ силъ.

Но съ этихъ дней, сквозь смѣхъ, межъ двухъ любимыхъ,
Два строя звуковъ духъ мой различиль:
Двойной напѣвъ—враговъ непобѣдимыхъ.

ВЪ МОРИХЪ НОЧЕЙ.

„Прощай, мой милый!“—„Милая, прощай!“
Замкнулись двери. Два ключа пропѣли.
Дверь шепчетъ двери: „Что же, конченъ Мой!“
—Какъ ماں? Ужъ дни октабрьскіе приспѣли*.

Стукъ, стукъ.—„Кто тамъ?“—„Я, это я, Мечта.
Открой!“—Стукъ, стукъ.—„Открой! Луна такъ свѣтитъ*.
Молчаніе. Недвижность. Темнота.
На зовъ души какъ пустота отвѣтить!

„Прощай, мой милый. Милый! Ха! Ну, ну.
Еще въ ней остроумія довольно!“
—Онъ милой назвалъ? Вспомниль онъ весну?
Нѣти къ нему? Какъ бьется сердце больно!“

Стукъ, стукъ.—„Кто тамъ?“ Молчаніе. Темнота.
Стукъ, стукъ.—„Опять! Закрыты илохо ставни“.
Въ морихъ ночей недостижимо дно.
Нѣть въ мірѣ власти—мигъ вернуть недавній!

ЗМѢИНЫЕ ВАЛИ.

Оконы древніе, Змѣиные вали,
Извивно-тяжкія мечты подлемной мглы,
Кругосозданія изъ марева бѣсовъ,
Какъ перебраться къ вами?—Черезъ бездонный ровъ.

Созвѣздья слитныя, вы, грозды высоты,
 Змѣиности, и ты, Луна, и ты,
 Звѣзда Вечерния, вѣнецъ свершенныхъ дней,
 Гдѣ путь къ вамъ? — Чрезъ зопръ, въ которомъ иѣтъ путь?
 О, души женскія, плѣненныя мечтой,
 Вы, сочетавшія змѣйность съ красотой,
 Вы, вы, желанныя, скажите, какъ къ вамъ путь?
 — Черезъ бездонность глазъ. Дрожишь? Оставь. Забудь.

ОМУТІ.

Надъ омутомъ, жутко-нѣмымъ, глянцевитымъ,
 Ущербная свѣтить Луна,
 Съ лицомъ опрокинутымъ, страшно неслитымъ
 Съ нокоемъ полючиаго сна.

Но слитная страшно съ той пропастью властной,
 Съ тѣмъ круглымъ застывшимъ жерломъ,
 Гдѣ прошлую осенью, почю непастной,
 Они утонули вдвоеемъ.

Они, эти странные блѣдные люди,
 Которыхъ встрѣчалъ и весной,
 Когда расцвѣтали на влагѣ, какъ въ чудѣ,
 Кувшинки подъ новой Луной.

ПРИЗРАКИ.

Штичка сѣрая летаетъ
 Каждый вечеръ подъ окно.
 Голосокъ въ кустахъ рыдаетъ,
 Что-то кончилось давно.

Звуки бьются такъ воздушно,
 Плачутъ тоньше, чѣмъ струна.
 Но внимають равнодушно
 Миръ, и Небо, и Луна.

Надъ усадьбою старинной
 Будто вовсе умеръ день.
 Подъ окошкомъ тополь длинный
 До забора бросилъ тѣнь.

Стало призракомъ сиданье,
 Было сномъ, и стало сномъ.
 Лишь воздушное риданье
 Словно память подъ окномъ.

Эти звуки тонко лились
 Здесь и въ дѣдовскіе дни.
 Ничему не научились
 Ни потомки, ни они.

Вѣчно будеть тополь длинный
 Холить траурную тѣнь.
 Въ сказѣ счастья паутинной
 Разъ былъ день, и умеръ день.

СЪВЕРНОЕ ВЪЗМОРЬЕ.

Небо свинцовое, солнце пенькроное,
 Вѣтеръ порывистый, воды холодныя,
 Словно приливная, грусть равнотѣрная,
 Мысли бесплодныя, вѣкъ безъисходныя.

Здѣсь даже чайками даль не освѣтится,
 Даже и тѣчкою только туманится,
 Раковинъ взору на взморье не встрѣтится,
 Камешкомъ яркимъ мечта не обманется.

Зимами долгими, скучными веснами
 Думы подавлены, жизнь не вальяна.
 Море пустынное, съ темными сосновами.
 Кѣмъ ты задумано, кѣмъ ты осмѣяно?

НАДЪ МОРЕМЪ.

По изморью иду я, не этому изморью, что зrimо,
 Хоть каждый и день и по этому изморью хожу.
 Надъ Моремъ тоскую, что странно-воздушнѣе дымы,
 Гдѣ помыслы сердца свою отмѣчаютъ межу.

Пустыня буриовъ. Приливно-отливная сказка.
 Извивность морей, пожелавшихъ воздушными стать.
 Ихъ блая смерть. И оиять. И другая завязка.
 Раскаты громовъ. И затишье. И мертвай гладь.

О, лѣди! Какъ жалко мнѣ насть! Если бъ только вы знали!
 Какой бы не принялъ я жертвы во имя людей?
 Но ить разрѣшенія для нашей всемирной печали,
 Какъ ить окончанія для пѣния бездонныхъ морей.

ХОДЪ МОРЕЙ.

Неуловимый ходъ морей,
 Темно-зеленыхъ водъ.
 Нагроможденіе голышей
 Въ какой-то склепный сводъ.
 И это въ долгой цѣпи дней,
 И такъ за годомъ годъ.

Гдѣ Море—суша тамъ была,
 Гдѣ суша—глыбы водъ.

Свѣтись, душа, пока свѣтла,
Все иѣжно, что цвѣтеть.
Играй среди добра и зла,
Насъ въ свой чередъ зальеть.

И будемъ мы, въ тѣ дни свои,
Идти какъ грозность водъ.
И если встрѣтимъ бѣгъ ладыи,
Она въ насъ гробъ найдетъ.
Мы будемъ въ темномъ забытьи,
За годомъ долгій годъ.

НЕ ЗНАЮ.

Я забылъ, откуда я пришелъ,
Я, уйдя, не вспомню жизни здѣшней.
Я не знаю, мой ли произволъ
Создалъ снѣтный призракъ съ дымомъ волъ,
Осень предрѣшилъ въ улыбкѣ вешней.

Можетъ быть, я самъ свой вѣчный врагъ,
Можетъ быть, подъ виѣшинамъ духъ склоняю.
Еслио мнѣ, но это вѣчно такъ,
Я—письменъ безвестныхъ странный эпакъ,
Вписанъ—да, но для чего—не знаю.

КРУТОВОРОТЬ.

Намъ всѣмъ дается день, одинъ, и ночь одна.
Потомъ проснемся мы, но утро—въ Запредѣлье.
Но въ этомъ днѣ одномъ есть осень и весна,
Весь долгій пышный годъ, съ своимъ юзоромъ цѣльнымъ.

Мы не хотимъ понять, что нашъ круговоротъ
Включаетъ лѣсъ, поля, сады, луга, и горы,
Что въ немъ есть вся Земля, бездонность вѣчныхъ Водъ,
И Небеса небесъ, гдѣ пьютъ бессмертье взоры.

Мы не слѣдимъ за тѣмъ, какъ тайный цаферблать
Мѣняется отъ двухъ кружящихся движений.
И звукъ двѣнадцати, полночный бой распахать,
Есть стонъ нежданности и вонзъ угрозей!

И кладбище потомъ. И маски мертвыхъ лицъ.
Не тѣхъ, что умерли, а тѣхъ, что вотъ, все живы.
Какъ не похожи мы на рой отлетныхъ птицъ,
Какъ не похожи мы на золотыя иконы!

ДОМОЙ.

ЗВУКЪ ОСЕННЬГО ПРИБОЯ.

Прибой ростеть,
Гудить, поеть,
Прибой живеть
Свищевыхъ водъ.

Немолчный гулъ.
Весь міръ уснуль.
Одни валы
Поютъ изъ мглы.

Поютъ, зовутъ
На грозный судъ
Несиящий умъ,
Укориность думъ.

Прошло, прошло,
Что такъ светло
Смѣялось намъ,
Машло къ дилмъ.

Растративъ дни,
Задувъ огни,
Ушли мы прочь
Отъ света въ ночь.

И воть прибой
Намъ шлетъ гурьбой
Могильный роп:—
Въ гроба! Домой!

ЧУДОВИЩЕ СЪ КЛЕЙМОМЪ.

Я опустилъ свой лотъ. Мой лотъ—до дна морей.
Я смѣрилъ глубину всѣхъ винятыхъ океановъ.
Я былъ во всѣхъ домахъ. Стоялъ у всѣхъ дверей.
Вкусилъ отъ меда пчелъ. Изъдалъ ядъ обмановъ.

Мнѣ имя—Легіонъ, средь геніевъ, чей знакъ—
Вопрощъ, всегда вопросъ, повсюду вопрошанье.
Я раздвоилъ весь Миръ. Полярность. Свѣтъ и Мракъ.
Вновь слизъ я Свѣтъ и Тьму. И цѣльнымъ сдѣлалъ Зданье.

Но жить въ немъ не хочу. Я знаю всѣ углы.
Святая зѣтоясь, но на авѣриной кожѣ.
Все—безразлично, что, кроты или оры—
Чудовище съ клеймомъ: Всегда-Одно-и-То-же.

ХОЛІТВА ПОСЛѢДНІЯ.

Боже, не дай мнѣ людей разлюбить до конца.
Вотъ уже сердце, съ мучительной болью, слабѣе, слабѣе.
Я не о нихъ, о себѣ умоляю всекрасиваго Бога-Творца.
Отвращенье уродуетъ все выраженье лица.
Люциферъ свѣтель какъ Змѣй, но въ остывшемъ, уставшемъ, склонившемся Змѣй

Червь просыпается. Ненависть, испыхнувъ огнемъ,
Падаетъ—до равнодушья, и стелется скользкимъ червемъ.
Страшно мнѣ. Лучше—любить недостойныхъ.
Думать нельзя беконечно о пойнахъ.
Лучше простить. Позабыть. Отдаваться. Иного не жаждать вѣща.
Низкимъ отдать все свое. Но душою быть въ помыслахъ стройныхъ.
Боже, не дай, о, не дай мнѣ людей разлюбить до конца!

МИРОВЫЯ РОЗЫ.

КРЫКЪ БЫЛОЩАГО.

Мнѣ снятся розы красныя,
 И золотисто-чайныя,
 И нѣжно-сѣжно-блѣдныя,
 Но радости мнѣ нѣть.
 Сверкания прекрасныя,
 Цвѣты необычайные,
 Но стонуть сны несмѣлые,
 Что страшенье черный цвѣть.

Мой садъ—Земля обширидал,
 И весны въ немъ повторныя,
 Силетенія многозиѣздныя
 Мѣняютъ сѣть и тьму.
 Но таеть сказка ириная,
 Встаютъ видѣнья черныя,
 И болты мнѣ жалѣзныe
 Велить упасть въ тюрьму.

Какъ цѣли снять ужасныя?
 О, какъ сломлю тѣ болты я?
 О, гдѣ вы, браты смѣлые?
 Какъ снять памъ этотъ гнетъ?
 Сперва царили Красные,
 Потомъ царили Желтые,
 Теперь кончаютъ Бѣлые,
 За Черными чередъ.

ЗАКОДОВАННОЕ ПОЛЕ.

Ровное, чистое,
 Поле пустистое,
 Путь убѣгаешь—куда?

Къ недостижимому,
Счастью любимому.
Счастье, блеснешь ли когда?

Только пойдешь къ тебе,
Только речешь Судьбе:
Дай же мнѣ, дай мнѣ мой Рай,—
Поле мнѣяется,
Путь затрудняется,
Рытвины, вотъ, примѣчай.

Темная пропасти,
Страшныя лопасти
Издво-разытыхъ цветовъ,
Дыволомъ сляпныхъ,
Вѣдьмой ваделянныхъ,
Вѣдьмой повторности сновъ.

Тѣхъ же все тающихъ,
Умъ ослѣпляющихъ,
Въ смути ведущихъ, во рвы.
Сонными чарами,
Чадомъ, кошмарами
Дышутъ все стебли травы.

И засыпаешь ты,
Сонго блуждаешь ты,
Надаешь, тянишься взмысъ.
Ты изуродованъ,
Весь обнародованъ,
Явность ты, липкость, и склизъ.

Сыты ли лопасти?
Полны ли пропасти?
Кто ихъ наполнить, и чѣмъ?
Въ снахъ повторительныхъ,

Въчно-мучительныхъ,
Слыть ты, и глухъ ты, и нѣмъ.

Вдругъ все окончено.
То, что уточено,
Рвется, блѣднѣеть—и вотъ
Снова га волѣ ты,
Снова изъ полѣ ты,
Снова дорога—зоветъ.

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА.

Кто войдетъ Одолень-траву, тотъ
вельми себѣ талантъ обращать на
землю.

Народный Травникъ.

Одолень-трава,
Я среди чужихъ,
Стылутъ всѣ слова,
Замираетъ стихъ.
Я среди людей,
Нѣть житья отъ нихъ,
Помоги скорѣй,
Дай мнѣ спѣть мой стихъ.
Ты, какъ я, взросла
Межъ полей, въ лѣсахъ,
Подъ Луной свѣтла
На нѣмыхъ волнахъ.
Ты печальница,
Нѣжныи цвѣть твой бѣль,
Ты купальница,
Водяной прострѣль.

Пала молнія
 Въ безлагольность водъ,
 Пала молнія,
 И цветокъ цвететь.
 Одолень-трава,
 Ужь который годъ
 Ты светло-жива
 Межъ зеркальныхъ водъ.
 Я блуждалъ, скорбя,
 Межъ пустыхъ полей,
 Я нашелъ тебя,
 Помоги скорѣй.
 Одолѣй ты мнѣ
 Не обрывы горъ,
 Гдѣ на темномъ днѣ
 Шепчетъ темный боръ.
 О, не мракъ лѣсной,
 И не тьму ночей,
 И не омуть злой,
 И не ширь степей.
 Одолень-трава,
 Одолѣй ты мнѣ
 Тѣхъ, въ комъ жизнъ едва
 Тлѣть въ тускломъ снѣ.
 Кто, какъ мертвый гнетъ,
 Тяготить мечты,
 Межъ зеркальныхъ водъ
 Не узавъ цветы.
 Ты всегда жива,
 Талисманъ лучей,
 Одолень-трава,
 Одолѣй людей.

МИРОВОЕ ДРЕВО.

Подъ старымъ дубомъ я сидѣлъ.
 Кругомъ тепло, свѣтло.
 А старый дубъ гудѣлъ и пѣлъ.
 Я заглянулъ въ дупло.

Тамъ былъ пчелиный дикий рой.
 Они жужжать, поютъ
 Красавецъ лѣса вѣковой
 Минутнымъ датъ пріютъ.

Не также ль мы жужжимъ, поемъ
 Въ пещерахъ міровыхъ?
 Въ дуплистомъ Небѣ, круговомъ,
 Поемъ судьбѣ свой стихъ,

Но настѣ не слышитъ Игдразиль
 Таинственныхъ судебъ.
 Мы въ медь сольемъ цветную пыль,
 Но медь нашъ сложимъ въ склепъ.

И лишь въ глубокій часъ ночей,
 Когда такъ вѣщи сны,
 Узоръ звѣздищахся вѣтвей
 Намъ сытить съ вышини.

КЪ НЕБУ.

Небо, тебя я пою,
 Напѣвомъ прерывнымъ.
 Небо, тебя я пою,
 Красоту голубую твою.
 Но ты мнѣ не будешь отзывнымъ.
 Все, что въ себѣ ты ташь, колыбель несосчитанныхъ звѣздъ,

Ты для себя создаешь, и лелеешь, качаешь,
Бросишь кометы, планеты кругомъ расцвѣчаешь,
Бездну вспоишь и надъ бездною вытянешь мостъ.
Но на призывъ, на призывъ лишь загадками мнѣ отвѣчаешь,
Ты—водоемъ,
Вѣчно въ себя изъ себя истекаешь, играешь, колодецъ зеирный.
Ты—водоемъ,
Взглянешь—утонешь въ богатствѣ твоемъ.
Если кому быть богатымъ, такъ Безднѣ, конечно, всемірной.
Роскошь твоя—безъ конца.
Только зачѣмъ же я блѣденъ?
Небо, быть можетъ, ты любишь, что надаютъ слезы съ лица?
Можетъ, кому я свѣчу, потому что отъ боли я блѣденъ?
Звѣзды вѣдь блѣдны на Млечномъ Пути.
Что жь, мое сердце, сердце людское,
Порвись и цвѣги.
Красокъ такъ много, возьми сочетанье любое,
Въ золотѣ, въ пурпурѣ можешь взросты,
Тѣшися, аграй, расцвѣти, отцвѣти.
Въ Морѣ утонешь, красиво оно, голубое.

СВѢТЬ ВЕЧЕРНІЙ.

Твой вечеръ настапеть, и вмѣсто всемірности вольного свѣта,
За Солнцемъ погасшимъ, затеплишь ты въ тѣсномъ покой свѣчу.
Твой вечеръ настанеть. Кончается лѣто.
За лѣтомъ? За осенью? Чѣмъ тамъ? Молчу.
Мы любимъ, хотя намъ и жутко отъ тѣни,
Мы любимъ законченность комнатъ знакомыхъ съ узоромъ нѣмыхъ
половицъ.
Крыльца на запорѣ. Не хрустнуть ступени.
Нѣмы!
Дрожать на стѣнѣ, какъ живыя,
Отраженья движений.
И въ странномъ, въ какомъ-то церковномъ сближеныи сочетаются
блѣдности лицъ.

Безъ звука веселій,
 Глаза утопаютъ въ глазахъ.
 Что скрыто въ ихъ безднахъ? Въ нихъ духи сейчасъ пролетѣли?
 Въ нихъ омыть печали? Въ нихъ сказка свиданія? Страхъ?
 Никто не придетъ къ вамъ. На версты кругомъ закрутились
 завѣти мятежи.
 Не плачь и не бойся. Въ затѣяхъ-завѣяхъ мы тонемъ, но свѣтимъ,
 какъ звѣзды въ ночахъ.

ПРИ МОРЬ ЧЕРНОМЪ.

При Морѣ черномъ стоять столбы.
 Столбы изъ камня. Число ихъ восемь.
 Приходить часто сюда рабы.
 И сонмы юныхъ несутъ гробы.
 Батѣдѣютъ зимы. И щещетъ осень.

Порой и авѣри сюда дойдутъ.
 Порой примчится сюда и итица.
 И затоскуютъ? Что дѣлать тутъ?
 Найдутъ, забродятъ, и упадутъ,
 Уставъ стремиться, уставъ кружиться.

При Морѣ черномъ стоять столбы.
 Отъ дней додненыхъ. Число ихъ грозно.
 Число ихъ вѣще межъ чиель Судьбы.
 И ихъ значенія на крикъ мольбы:—
 Навѣкъ. Безгласность. Враждебность. Поздно.

ВЪ ПУТЬ.

День мѣняется на вечеръ, коротается,
 Солнце красное на Западъ сдвигается.
 Лѣсъ зеленый на предѣлахъ сталъ свѣтлѣй,
 Лѣсъ зеленый въ чащѣ принялъ тьму тѣней.

Въ путь-дорогу, въ путь-дорогу, въ даль скитанія,
Воздухнувъ, пошли, идуть мои мечтанія.
Бѣлый ликъ, тесовый гробъ, туманъ, тоска.
Въ путь-дорогу. Въ путь. Дорога далека.

КЪ НОРНАМЪ.

Парки, Норны, Суденицы,
Назначающія часъ,
Необманныя Дѣвицы,
Кто вамъ, страшныи, предалъ насть?
Парки, Норны, Суденицы,
Скоро ль мой настанетъ часъ?

Ткань готова. Бредиль Случай.
Я встрѣчался съ Красотой.
Больше, Мигъ, меня не мучай,
Не смѣний черту чертой.
Да укроюсь черной тучей,
Да упьюсь моей бѣдой.

Это—Было, Есть, и Будетъ—
Раздробило цѣльность сна.
Норны, Сѣверъ да остыдить
Сердце, гдѣ жила Весна.
Пусть меня весь міръ забудетъ.
Мной забыть онъ. Тишина.

ТЬСНЫЙ ГРОТЬ.

Тесовый гробъ, суровый гротъ смертельныхъ окончаній,
Въ пространствѣ узкихъ тѣсныхъ стѣнъ восторгъ былыхъ добзаній.
Тиженый духъ, цветы, цветы, и отцвѣтанье тѣла,
Застылость чувственныхъ красотъ, въ которыхъ жизнь проігла.

—согласность губъ, замкнутость глазъ, недвижность ногъ уставшихъ,
ко зневшихъ пляску, быстрый бѣгъ, касанье ласки зневшихъ.

Чесовыи гробы, твой цѣнныи кладъ еще прекрасенъ иныи,
Не сразу гаснетъ смѣлый духъ померкнувшихъ въ пустынѣ.

О, тѣсный гротъ, твой мертвый кладъ въ ужасность превратится.
У, шорохъ. Вотъ. Безглазый взглядъ. Чу, кто-то шевелится.

ПУТЬ ТУДА.

Путь туда—безповоротныи,
Въ безъизвѣстную страну,
Можетъ, къ изости болотцой,
Можетъ, въ вѣчную Весну,
Можетъ, къ радости вольготной,
Можетъ, въ омутъ, внизъ, ко дну.

Лютый вѣръ туда прорыщетъ,
И навѣтъ прощайся съ нимъ,
Пудь туда едва кто ищетъ,
У живыхъ онъ нелюбимъ,
Только Вѣтеръ, онъ просвищетъ,
Но воротится другимъ.

Ничего онъ не разскажетъ,
Только дивно вздохиетъ,
Тѣнь отъ травъ иною ляжетъ,
Ниже глянетъ Неба сводъ,
Сердце словно кто-то свяжетъ,
Тьма въ пень, тьма въ немъ запоетъ.

СИНІЙ КАМЕНЬ.

Если хочешь молча плакать съ неразлучною тоской,
Приходи смотрѣть на травы, на осоку надъ рѣкой.
Травы бѣлый цвѣтъ роняютъ на текучую волну.
Шелестить, шуршить осока. Боль въ душѣ идеть конду.

Приходи сюда къ теченью, въ преломленіи зари.
Неподвижный Синій камень, какъ любимый, избери.
Въ тихомъ шелестѣ осоки, въ бѣломъ цвѣтѣ лепестковъ,
Ты уснешь на Синемъ камнѣ, межъ зеленыхъ береговъ.

Не увидѣть, не узнаютъ, не притронутся къ слезамъ.
Не увидишь самъ, что видно душу синимъ Небесамъ.
Только дрогнешь, какъ приснится, что на вѣкъ — рѣка съ тобой,
Неподвижный Синій камень, Небо, сумракъ голубой.

ВСЕБЕЗПРИЮТНОСТЬ.

Не вся ли Земля для меня — отчизна моя роковая?
Не вся ли Земля — для меня?

Я повсюду увижу — изъ сѣрыхъ тумановъ рожденіе краснаго дня,
И повсюду мнѣ Ночь будетъ тайны шептать, непостижности звездъ
зажигая.

И звездѣ я склонюсь надъ глубокой водой,
И, тоскуя душой, навсегда — молодой,
Буду спрашиввать, гдѣ же мечты молодыя
Будутъ счастливы, видя цвѣты золотые,
Безъ которыхъ всечасно томится душа.
О, Земля одинакова всюду, въ жестокомъ нѣжна, въ чернотѣ
хороша.

Я повсюду найду глубину отражений зеркальныхъ
 Чьихъ-то глазъ вопрошающихъ, сказокъ печальныхъ,
 Въ ихъ сияны нѣмомъ темноты и огня.
 Не вся ли Земля—намъ отчизна, наскѣкъ роковая?
 И Небо, все Небо—для нихъ, для меня,
 Повсюду насть Ночь обойметь, намъ звѣзды, какъ слезы, роняя.

БЛИЗЬ СИНЯГО КАМНЯ.

Близь Синяго камня песокъ золотой,
 Песокъ золотой, измельченный Водой.

Вода—голубая, прозрачная днемъ,
 И черная, азлая во мракѣ ночномъ.

Близь Синяго камня песокъ золотой,
 И падаетъ съ Неба звѣзда за звѣздой.

Вода умажаетъ и точить песокъ,
 А Камень все тотъ же, и путь все далекъ.

Пути всѣ далѣки для тѣхъ, кто идетъ
 Пескомъ измельченнымъ, надъ сказкою водъ.

И вѣчно все тотъ же песокъ золотой,
 Близь Синяго камня, надъ вѣчной Водой.

ВОПЛЬ.

Я вѣрю въ возможную силу и правду—его, всепобѣдного Свѣта.
 Но есть несчастливцы, что гибнутъ зимою, задолго до роскоши лѣта.

Я знаю, что много озеръ серебристыхъ, въ горахъ и въ лѣсахъ
 первозданныхъ.
 Но сколькіе умерли въ жаркой пустынѣ, безъ влаги, безъ капель
 желанныхъ.

Я видѣлъ, какъ кондоръ царить надъ пространствомъ, какъ мощь
альбатроса прекрасна.
Но сколько убитыхъ для нихъ, именитыхъ, подумать—подумать
ужасно.

Я вижу, я слышу, я помню, я знаю, что было, что есть адѣль,
что будетъ.
Но, въ бездну изъ бездны срываюсь, въ столѣтьяхъ, мой вопль
никого не пробудить.

ОТСВѢТЫ.

Мы—несколько маленькихъ раковинъ близъ кипѣвья 'бессмерт-
ныхъ морей.
Мы—несколько пѣнныхъ узорностей, летимъ все скорѣй и скорѣй.
Мы—блѣдныя тучки, чутъ видныя, бахрома разорвавшихся грозъ.
Мы таемъ, блестаемъ, и падаемъ слезами на мертвый утесь.

Мы—стебли былинокъ, что выросли на разбитой стѣнѣ крѣпостной.
Веслою своею цѣляемся за осень мечты неземной.

Мы думаемъ, будто мы думаемъ, нами думаютъ впхри міровъ.
Мы—отзвуки тысячныхъ отзвуковъ отъ звука неадѣллыхъ громовъ.

Мы думаемъ, будто мы вѣдаемъ Воскресенья зиждительный свѣтъ.
Мы, блѣдные блѣдныя отсвѣты оттуда, гдѣ мѣста намъ нѣть.

АМУЛЕТЫ ИЗЪ АГАТА

Gdzieś jesteś, synu zemsty?

Krasnitski.

Śpiewaj i przeklinaj!

Mickiewicz.

Где же ты, сынъ мщения?

Красинский.

Пой и проклинаяй!

Мицкевичъ.

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ.

Черные вороны, воры играли надъ нами.
Каркали. День погасаль.
Темными снами
Призракъ наполнилъ мнѣ блѣдный бокалъ.
И, обратившись лицомъ къ погасающимъ ворямъ,
Пиль я, закрывши глаза,
Видя сквозь блѣдныя вѣки дороги съ идущимъ и ёдущимъ сгор-
бленимымъ Горемъ.
Вороны вдругъ прошумѣли какъ туча, въ мигъ разразилась гроза.
Словно внезапно раскрылись обрывы.
Выстрѣлы, крики, и вопли, и взрывы.
Гдѣ мы, друзья?
Странный бокалъ отъ себя оторвать не могу я, и сказка моя
Держить меня, поблѣдѣвшаго, здѣсь, заалѣвшими снами-пѣнями.
Мысли болять. Я, какъ призракъ, застыль.
Двинуться, крикнуть—нетъ воли, нетъ силъ.
Каркаютъ вороны, каркаютъ черные, каркаютъ злыѣ надъ нами.

АМУЛЕТЫ ИЗЪ АГАТА.

Амулеты изъ агата,
И другихъ цветныхъ камней,
Ты дала мнѣ въ часъ заката,
Въ часъ заката красныхъ дней.

Л съ самимъ собой прощался,
О, Колдунья, и съ тобой,
Обѣщалъ я, обѣщался
Быть въ пещерѣ голубой.

Да, къ полдневной позолотѣ
Позабывши путь и слѣдъ,
Подбирать въ лазурномъ гротѣ
Къ амулету амулетъ.

Я свершилъ обѣтъ заклятъя,
Я забылъ, сдержавъ свой правъ,
Розы губъ, восторгъ обѣтъя,
Изумруды нѣжныхъ травъ.

Камни, камни заклинаній
Ты дала мнѣ—вотъ они.
Въ ихъ узорахъ—міръ стеноаній,
Чуть одинъ пошевельни.

Въ нихъ напѣвность такъ богата,
Въ нихъ мерцаньяхъ—смерть врагу.
Но враждою сердце смято,
Больше быть адѣсь не могу.

Стоны грома въ мигъ раската,
Вотъ они—бери, скорѣй.
О, заклята жизнь агата,
Сколько воли въ снахъ камней!

КРИКЪ.

Мой крикъ былъ бы свѣтымъ и юнымъ,—
Не встрѣтишь отвѣта, онъ сдѣлался злымъ.
И предалъ я духъ своей перунамъ,
Я ударила по звонкимъ рыдающимъ струнамъ,
И развѣялась радость, какъ дымъ.

Я былъ бы красивымъ,
Но я встрѣтила лишь маски тьмы темъ оскорбительныхъ лицъ.
И умъ мой, какъ вѣтеръ бѣгущій по нивамъ,
Сталь мнущимъ и рвущимъ, сталь гибкимъ, ворчливымъ,
Забыла щебетанія птицъ.

Надъ Моремъ я плачу,
Надъ холодной и вольной пустыней морей.
О, люди, вы—трупы, вы—авѣри, въ придачу,
Я дни межъ солеными брызгами трачу,
Но жить я не буду въ удушья людей.

ПОЛНОЧНЫЙ ЧАСЬ.

Полночный часъ. Вѣдовски-страшный часъ.
День скороненъ. И вновь рождается сложность.
Разъять восторгъ и пытку—невозможность.
Изъ вышихъ безднъ глядитъ беадонность глазъ.

Какъ жутко мнѣ. Вотъ глуше все и тише.
И вѣянье я слышу въ тишинѣ.
Такъ бархатно. Какъ будто льнетъ ко мнѣ
Беззвучное крыло летучей мыши.

КРУГИ.

Круговидныя свѣтила—
Безъ конца и безъ начала.
Что въ нихъ будетъ, то въ нихъ было,
Что въ нихъ нѣжность, станеть жало.

Что въ нихъ ласка, есть отрава,
А изъ мрака, а изъ яда
Возникаетъ чудо-слава,
Блескъ заманчивый для взгляда.

Изъ вулкановъ, изъ обрывовъ,
Гудниковъ и разрушены—
Роскошь яркихъ переливовъ,
Драгоценныя каменья.

Изъ кошмарности рожденій,
Съ свитой грязи, крови, криконъ—
Свѣтлый гений пѣсноній,
Сонмы стройныхъ женскихъ лицовъ.

А изъ жизни вновь могила,
И горять, лазурно, ало,
Круговидныя свѣтила,
Безъ конца и безъ начала.

ИНДІЙСКІЙ ТОТЕМЪ.

Индійскій тотемъ—жуткій знакъ,
Рѣзкая сложная колонна.
Изъ звѣра—звѣрь. Кто другъ, кто врагъ,
Не разберешь. Здѣсь все—уклонио.

Другъ друга держать всѣ во рту,
Убийца—каждый, и убитый.
Грызя, рождаютъ красоту,
Глядя на бѣсовски-волчей святой.

Уста, и пасти, и глаза,
Звѣринокрылость, чудо-рыба.
Въ цветныхъ врачкахъ горить гроза,
Жизнь въ жизни—въ змѣйностяхъ изгиба.

И древо жизни міровой
Ростеть въ чудовищной прікрасѣ,
Являясь мной, чтобы стать тобой,
Пьяня и множа ипостаси.

СВЯТОЙ ГЕОРГІЙ.

Святой Георгій, убивъ Дракона,
Взглянуль печально вокругъ себя.
Не могъ онъ слышать глухого стона,
Не могъ быть светлымъ—лишь свѣть любя.

Онъ съ легкимъ сердцемъ, во имя Бога,
Копье намѣтилъ и поднялъ щить.
Но мыслей встало такъ много, много,
И онъ, сразивши, сраженъ, молчитъ.

И конь святого своимъ копытомъ
Ударилъ гнѣвно о край пути.
Сюда онъ прибылъ путемъ избѣгъ.
Куда отсюда? Куда идти?

Святой Георгій, святой Георгій,
И ты извѣдалъ свой высшій часъ!
Предъ сильнымъ Змѣемъ ты былъ въ восторгѣ,
Предъ мертвымъ Змѣемъ ты вдругъ погасъ!

ВСТРЪЧА.

Сонъ жуткій пережилъ вчера я наяву.
По улицѣ я шелъ—одинъ, не я всегдашній,
Лишь тѣло, трупъ меня, что тѣломъ я зову.
Тюрьма передо мной своей грозилась башней.

И вотъ навстрѣчу мнѣ идѣть моя душа,
Такая же, какъ я, до грани совпаденья.
Такъ прямо на меня, упорно, не спѣша,
Съ рѣшеніемъ нѣмымъ жестокаго видѣнья.

Мой трупъ упримо шелъ. Быть труденъ каждый шагъ.
Но встрѣча этихъ двухъ сближалась неуклонно.
Какъ будто въ зеркалѣ, вотъ—я, но я—мой врагъ.
Идемъ. Тюрьма молчитъ. Враждебна высь, бездонна.

Все ближе, ближе мы. Блѣдию я и онъ.
И вдругъ насы больше нѣть. Мигъ ужаса. Мигъ встрѣчи.
Умъ вброшенъ въ темноту. На башнѣ тихій звонъ.
Кому-то цѣлый міръ, упавъ, налегъ на плечи!

ПРИЗРАЧНЫЙ НАБАТЬ.

Я духъ, я прозрачный набать,
Что впятерть только привидѣньямъ.
Дома, я чувствую, горятъ,
Но люди скованы забвеньемъ.

Крадется дымный къ немъ огонь,
И вооплемъ полонъ я безгласнымъ,—
Гуди же, колоколъ, трезвонъ,
Будь крикомъ въ сумракѣ неясномъ.

Ползетъ густой, змѣяется дымъ,
Какъ тяжкій звѣрь—ночная чара.
О, какъ мнѣ страшно быть нѣмымъ
Подъ мѣднымъ заревомъ пожара!

ТЕТЕНЬКА ИЗЪ СЕЛА.

—Тetenька, тeteнька, миленькая,
Что ты такая уныленькая?
Или не рада, что къ намъ изъ села
Въ городъ пошла ты, и въ городъ пришла?

—Экъ ты, дѣвчонка, горазда болтать.
Чуть подросла, отъ земли не видать,
Только и знаешь—шуршишь, словно мышь.
Что же ты тетку свою тормошишь?

—Тetenька, можетъ, мой разумъ и малъ,
Только вотъ вижу—нашъ смѣхъ замолчалъ.
Tetenька, право, мнѣ страшно съ тобой,
Точно адѣсь кто-то еще есть другой.

—Дѣвонька, эти ты глупости брось,
Къ почѣ нельзя такъ болтать на авось.
Лучше давай про село расскажу,
Послѣ помолимся, спать уложу.

Въ городѣ, дѣвонька, все бы вамъ смѣхъ,
Въ городѣ много забавъ и утѣхъ.
Наши избенки-то, наше село
Лѣсомъ, потемками все облегло.

Въ лѣсъ за дровами—а тамъ лѣсовикъ,
Вонъ за стволомъ пританція, прянинъ.
Чуръ меня, крикнешь—онъ вытянетъ ность,
Такъ захочетъ—по кожѣ морозъ.

Ночью, какъ это такъ выйдешь на дворъ,
 Звѣри какіе-то смотрятъ изъ норъ,
 Совы на крыщѣ усядутся въ рядъ,
 Углемъ глаза, какъ у вѣдьмы, горятъ.

Въ избу назадъ—а въ вѣтви домовой,
 Ты на полати—а онъ ужъ съ тобой,
 Вотъ навалился—и стовешь во снѣ,
 Душно такъ, тяжко такъ, страшно такъ мнѣ.

Нежнати ходягъ, бормочугъ во тьму,
 Шепчутъ, скривясь,—ничего не пойму.
 Словно они балагачники,
 Баешники, перебаешники.

Тетка умолкла. Дѣвчонка спала.
 Тетки дослушать она не могла.
 Обѣ застыли, и въ комнатѣ той
 Явно, что кто-то еще былъ другой.

ПОДМѢНЫШЪ.

Я мать, и я люблю дѣтей.
 Едва зажжется Мѣсяцъ, серповидно,
 Я плачу у окна.
 Мне больно, страшно, мнѣ мучительно-обидно.
 За что такая доля мнѣ дана?
 Зловѣштій прудъ, погость, кресты,
 Мне это все отсюда видно,
 И я одна.
 Лишь Мѣсяцъ свѣтить съ высоты.
 Онъ жнеть своимъ серпомъ? Чѣмъ жнеть? Я брежу. Полно. Стыдно.
 Будь твердой. Плачь, но твердой нужно быть.
 Отъ Неба до Земли, сіял,
 Идеть и тянется первущаяся нить.
 Ты мать, умѣй, забывъ себя, любить.

Да, да, я мать, и я дурная,
 Что не умѣла сохранить
 Своихъ дѣтей.
 Ихъ всѣхъ сманила въ прудъ Колдунья злая,
 Которой нравится сводить съ ума людей.
 Тихонько ночью приходила,
 Когда такъ крѣпко я спала,
 Мой сонъ крѣпя, дѣтей будила.
 Какая въ ней скрывалась сила,
 Не знаю я. Весь міръ былъ мгла.
 Своей свѣчой она свѣтила,
 И въ прудъ ея свѣча вела.
 Чѣмъ, чѣмъ злодѣйка ворожила,
 Не знаю я.
 О, съ тѣми, кто подъ сердцемъ былъ, разстаться,
 О, жизнь безсчастная моя!

Лиши въ мысляхъ иногда мы можемъ увидаться,
 Во снѣ.

Но это все—не все. Она страшнѣй, чѣмъ это.
 И казнь безжалостнѣй явила Вѣдьма міръ.
 Вонъ тамъ, въ сіянны мѣсячнаго свѣта,
 Въ той люлькѣ, гдѣ качала я дѣтей,
 Когда малютками они моими были,
 И каждый былъ игрушкою моей,
 Предъ тѣмъ, какъ спрятался въ могилѣ
 И возростилъ плакунь-траву,
 Лежить подмѣнышь злой, уродливый, нескладный,
 Котораго я нежитю зову.
 Сварынѣй, колченогій, жадный,
 Глазастый, съ страшною распухшой головой,
 Ненасытимо-плотоядный,
 Подмѣнышь злой.
 Чуть взглянетъ онъ въ оконо—и листъ березы вянеть.
 Шуршить недобрый вихрь желтѣющей травой,—

Вдругъ схватить дудку онъ, играть бевумно станетъ,
 И молни въ овны гряпеть,
 И пляшеть все кругомъ, какъ въ пляскѣ хоровой,
 Несутся камни и полѣнья,
 Подмѣнышь въ дудку имъ дудить,
 А люди падаютъ, въ ихъ сердцѣ онѣмѣнѣе,
 Молчать, блѣдишуть—страшный видъ.
 А онъ глядитъ, глядитъ стеклянными глазами,
 И ничего не говорить.
 Я не побѣму, старикъ ли онъ,
 Ребенокъ ли. Онъ тѣшится надъ нами.
 Молчать и єсть. Вдругъ тихій стонъ.
 И жутко такъ раздастся голосъ хилый:—
 „Я старъ, какъ древній лѣсъ!“
 Повѣтъ въ воздухѣ могилой.
 И точно встанетъ кто. Мелькнуль, прошелъ, исчезъ.

Однажды я на страшное рѣшилась:—
 Убить его. Жить стало невтерпежъ.
 За что такая мнѣ немалость?
 Убрать изъ жизни эту гнилость.
 И вотъ я наточила ножъ.
 А! какъ сегодня ночь была, такая,
 На небѣ Мѣсяцъ всталъ серпомъ.
 Онъ спалъ. Я подошла. Онъ спалъ. Но Вѣдьма злая
 Слѣдила въ тайности, стояла за угломъ.
 Я не видала. Я надъ нимъ стояла:
 Я только видѣла его.
 Въ моей душѣ горѣло жало.
 Я только видѣла его.
 И кажду тѣшила вѣмую:—
 Вотъ эту голову, расщухшую и злую,
 Отрѣзать, отрубить, чтобы исчезъ паукъ,
 Прятавшъ во мракѣ гробовомъ.
 „Исчезнешь ты!“ И я ударила ножомъ.
 И вдругъ—

Не тѣло предо мной, мякина,
Солома, и въ соломѣ кровь,
Да, въ каждомъ стеблѣ кровь и тина.
И вотъ я на пруду. Трясина.
И въ домѣ я опять. И вновь
Бѣлѣть Мѣслцъ серповидно.
И я у моего окна.
Въ углу подмѣныша мнѣ видно.
Тамъ за окномъ погость. Погость. И я одна.

НѢТЬ СЛЕЗЪ.

Нѣть слезъ. Я больше плакать не умѣю,
Съ тѣхъ поръ какъ посвященъ я въ колдуны.
О, Вѣщая Жена! Я вѣдалъ съ нею
Вѣдовское. На яовъ ея струны
Скликались звѣри. Говоръ человѣчій
Былъ межъ волковъ лѣспыхъ. А межъ людей
Такіе, въ хренахъ, слышались мнѣ рѣчи,
Что нѣть ужъ больше слезъ въ душѣ моей.
Кто тамъ подъ пыткой? Кто кричить такъ звонко?
Молчу. Себя заклять я колдовски.
Мучь всѣхъ! Мени! Мучь моего ребенка!
Мольбы не будетъ. Кровь забыть въ виски.
Забыться въ головѣ какъ тяжкій молотъ.
Но слезъ моихъ тебѣ, палять, не знать.
Пусть будетъ самый сволѣ Небесъ расколотъ.
Ты проклять. Тверды мы. И эту рать
Не побѣдить палячествомъ убогимъ.
Мы все ростемъ. Стальныеть пытка въ насть.
Минуты время движутъ кругомъ строгимъ.
Ты проклять! Проклять! Жди! Еще лишь часъ!

ОТЗВУКЪ НАРОДНАГО.

Ужъ ты, Солнце, Солнце красно,
 Ты съ полуночи взойди,
 Чтобъ очамъ не ждать напрасно,
 Кто тамъ, что тамъ впереди.
 Чтобъ покойникамъ въ могильѣ
 Не во тьмѣ глухой сидѣть.
 Чтобы съ глазъ они сложили
 Закрывающую мѣдь.

Ужъ ты, Мѣсяцъ, Мѣсяцъ ясный,
 Глянь, и съ вечера взойди,
 Чтобъ забыть о муки страстной,
 Что осталась позади.
 Чтобы мертвымъ, властью слова,
 Властью смыта твоего,
 Не крушить, изъ-за былого,
 Ретивого своего.

Ужъ ты, Вѣтеръ, Вѣтеръ буйный,
 Ты съ полуночи возвѣй,
 Многовѣйный, многоструйный,
 Будь отрадою моей.
 Возвѣсти монамъ родимымъ,
 Что и въ нась безстрашный свѣтъ.
 Все мы бросимъ, пустимъ дымомъ,
 Но пойдемъ за ними вслѣдъ.

ЗОРЯ-ЗОРЯНИЦА.

ЗАГОВОРЪ.

Зоря-Зорянница,
 Красная Дѣвица,
 Красная Дѣвица, полуночница.
 Красныя губы,

Бѣлые зубы,
 Свѣтлая кудри, свѣтлоочница.
 Всѣ ли вы, Зори,
 Въ красномъ уборѣ,
 Съ кровавыми лентами, рдяными?
 Вѣчно ли крови,
 Встари и внови,
 Розами быть надъ туманами?
 Зоря-Зорянница,
 Красная Дѣвица,
 Будь ты мою защитою,
 Отъ вражѣй силы,
 Довременной могилы,
 И отъ жизни, тоскою повитомъ.
 По какому наитию,
 Рудожелтою нитю,
 Ты, иглой золотою, проворною
 Вышиваешь со славой,
 Пеленою кровавой,
 Свой узоръ надъ трясиною черною?
 Чудо-дѣвица,
 Зоря-Зорянница,
 Зоря-Зорянница прекрасная!
 Хочется ласки,
 Мягкости въ краскѣ,
 Будеть ужъ, искрилась краснаа.
 Нить, оборвись,
 Кровь, запекись,
 Будеть намъ, ужъ будетъ этой алости.
 Или ты, Зоря,
 Каждый день горя,
 Такъ и не узнаешь вѣжной жалости?

ЗАКЛИНАНИЕ.

Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, зачѣмъ ты мнѣ данъ?
 Ты неясно мнѣ свѣтишь въ ночахъ.
 Ты застывшій потухшій вулканъ.
 Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, зачѣмъ сквозь туманъ
 Ты застылый внушиашь мнѣ страхъ?

Вѣтеръ, Вѣтеръ, зачѣмъ средь вѣтвей,
 Очерненыхъ осенисій порої,
 Ты шуршишь все страннѣй и страннѣй?
 Вѣтеръ, что жь въ этой пѣснѣ твоей,
 Или только играешь ты мной?

Мѣсяцъ, Вѣтеръ, я вѣрнымъ вамъ былъ,
 Даите силь мнѣ мой міръ возродить.
 Если жь нѣть возрождающихъ силъ,
 Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, сиѣтило могилъ,
 Дай послѣднюю власть:— Отомстить.

АМУЛЕТЪ.

Ты дала мнѣ амулетъ,
 Для веселій и побѣдъ,
 Странно въ немъ сиютъ свѣты.
 Ты дала мнѣ амулетъ
 Въ той странѣ, гдѣ всѣ предметы—
 Волхованье, амулеты.

Грозенъ звукъ гортанныхъ словъ.
 Нѣть цветовъ тамъ безъ шиповъ,
 Безъ уколовъ или яда.
 Хищный клекотъ вѣщихъ словъ
 Манитъ слухъ, но въ немъ засада,
 Какъ засада въ зыби взгляда.

Въ этомъ краѣ Красоты,
 Гдѣ отчетливы черты
 Горь, скрывающихъ обманы,
 Въ этомъ царствѣ Красоты
 Всюду вражеские станы,
 А съ высотъ глядѣть вулканы.

Дротикъ мѣтко достаетъ,
 Чуть коснется кончень счетъ,
 Тамъ отравленныя стрѣлы.
 Лукъ поетъ и достаетъ,
 Чуть задѣть ты, опѣмѣлый
 Ты ужь мертвый, ты ужь бѣлый,

Въ этомъ краѣ вѣчныхъ чаръ,
 Чтобы мѣтокъ былъ ударъ,
 Ты меня околдовала,
 И, вложивъ змѣйность чаръ
 Въ кругъ узорный изъ опала,
 Ты меня мечтой связала.

Сильный этою мечтой,
 Очерпенныи чернотой,
 Недругъ духамъ отунѣлымъ,
 Амулетъ съ твоей мечтой
 Обращу я къ ихъ предѣламъ,
 Будетъ, будетъ врагъ мой бѣлымъ.

ДРАКОНИТЬ.

Темный камень драконить
 Ужь не такъ хороши на видъ.
 Изумрудъ его пѣжитъ,
 Въ брилліантѣ свѣтъ сильнѣй.

И вѣжнѣй его опаль,
 И рубинъ предъ нимъ таѣ аль.
 И однако драконитъ
 Тѣмъ хорошъ, что вѣрно мстить.
 Чтобы достать его, доjdись,
 Какъ ущербный Мѣсяцъ внизъ,
 Надъ пещерой колдовской,
 Желтой выгнется дугой.
 Тамъ Драконъ въ пещерѣ спитъ,
 Въ мозгѣ аврѣя—драконитъ.
 Гибокъ Змѣй, но мозгъ его
 Неуклониѣ всего.
 Мозгъ Дракона—весь въ узахъ,
 Желтый въ нихъ и бѣлый страхъ.
 Красный камень и металъ
 Въ нихъ не разъ захочатъ.
 Темный въ этомъ мозгѣ сонъ,
 Черной цѣпью скованъ онъ.
 Желтый Мѣсяцъ внизъ глядитъ.
 Вотъ онъ камень драконить.
 Тише, тише подходи,
 Въ сиѣ Дракона не щади.
 Замеръ въ грезѣ онъ своей.
 Мѣтко цѣлься, прямо бей.
 Поразивъ его межъ глазъ,
 Мозгъ исторгни, и сейчасть
 Предъ тобою заблеститъ
 Страшный камень драконитъ.
 Съ этимъ камнемъ—на врага.
 Рѣки бросить берега,
 И хоть будь твой врагъ великъ,
 Онъ въ водѣ потолеть вмигъ.
 Этотъ камень-амулетъ
 Много дасть тебѣ побѣдъ.
 Вѣшній камень драконитъ,
 Зеленѣя, мѣтко мстить.

Этимъ камнемъ подъ Луной
Понграй во тьмѣ почной.
Дальній врагъ твой ощутить,
Мстить ли камень драконить.

ПРИТЧА О ВЕЛИКАНѢ.

Былъ въ мірѣ древній Великанъ,
Безъ сердца исполинъ.
Опъ былъ какъ между горъ туманъ,
Онъ былъ чумой для многихъ странъ,
Угрюмъ, свирѣпъ, одинъ.

Онъ сердце выпусть у себя,
И спряталъ далеко.
Не дрогнетъ громъ, скалу дробя,
Хоть громокъ онъ; и лишь себя
Люби,—убить легко.

Безъ сердца жадный Великанъ
Давилъ людей кругомъ.
Едва расправитъ тяжкій станъ,
Какъ въ ротъ свой, точно въ страшный чанъ
Кровавый бросить комъ.

А сердце гдѣ же? Топъ болотъ—
Чудовищный пустырь.
Который годъ тамъ дубъ ростетъ,
Съ дупломъ, и дубъ тотъ стережетъ
Слыпой и злой Упырь.

Внутри дупла, какъ черный гадъ,
Уродливый комокъ.
Опъ шевелится, говорять,
Мохнатъ, онъ судорожно радъ
Въ часъ казни, въ страшный срокъ.

Едва свирѣпый Великанъ
За горло хватъ кого,—
Паукъ заклятый топкихъ странъ,
Комокъ въ дуплѣ какъ будто пьянъ,
Дубъ чувствуетъ его.

Въ дуплѣ шуршаніе и смѣхъ.
Что жизнь людей? Пузырь.
Въ дуплѣ самъ Дьяволъ, черный грѣхъ,
И въ соучастіи утѣхъ,
Скрипить слѣпой Упырь.

Но крылья вѣдаютъ полетъ,
Стремлены знать путь.
И кто воздушенъ, тотъ пройдетъ
Всѣ срывы ямъ, всю топь болотъ,
Чтобъ цѣли досягнуть.

Комокъ кровавый, злой обманъ,
Ты взять моей рукой!
Послѣдній мигъ свирѣпымъ данъ,
И былъ, лишь былъ онъ, Великанъ,
Обять онъ смертной мглой!

ТРИНАДЦАТЬ СЕСТЕРЬ

Сестры, сестры, Лихорадки,
Поземельный вѣбитый хоръ!
Мы въ Аду играли въ прятки.
Будетъ! Кверху! Безъ оглядки!
Порадѣеть хоръ сестеръ.

Мы остудимъ, распростудимъ,
Разогрѣмъ, разомнемъ.
Мы проворны, ждать не будемъ.

Сестры! Сестры! Кверху! Къ людямъ!
Вотъ, мы съ ними. Ну, начнемъ.

Цѣпко, крѣпко, Лихорадки,
Снова къ играмъ, снова въ прятки.
Человѣкъ—забава намъ.
Сестры! Сестры! По мѣстамъ!
Всѣ тринацать—съ краснобаемъ
Гдѣ онъ? Живъ онъ? Начинаемъ.

Ты, Трясая, дай ему
Потрястись, попавъ въ тюрьму.

Ты, Огнея, боль продли,
Прахъ земли огнемъ пали.

Ты, Ледея, такъ въ ознобѣ
Загони, чтобы звалъ онъ гробъ.

Ты, Гнетея, дунь на грудь,
Камнемъ будь, не дай дожнуть.

Ты, Грудея, на груди
Лишку, вдвое ногоды.

Ты, Глухея, плюнь въ него,
Чтобъ не слышалъ ничего.

Ты, Ломея, кости гни,
Чтобы хрустили они.

Ты, Пухнея, знай свой срокъ,
Чтобъ распухъ онъ, чтобъ отекъ.

Ты, Желтея, въ свой чередъ,
Пусть онъ, пусть онъ расцвѣтъ.

Ты, Корчая, вслѣдъ иди,
Ручки, ноженьки сведи.

Ты, Глядея, встань какъ бѣсь,
Чтобы сонъ изъ глазъ исчезъ.

Ты, Сухея, онъ ужъ плохъ,
Сдѣлай такъ, чтобы весь изсохъ.

Ты, Невея, вѣмъ сестра,
Пропляши ему „Пора“.

Въ Человѣкѣ нѣть догадки.
Цѣпки, крѣпки Лихорадки.
Всѣхъ Сестеръ тринадцать насть.
Сестры! Книзу! Конченъ часъ!

СИНЯ МОЛНИЯ

Какъ въ глубинностяхъ Моря, въ глубинахъ Народной души — скрываются чудо-коромы—тамъ таятся, среди жемчуговъ, огнеглазые тромы.—Мигъ синихъ расцвѣтовъ, спѣши!

Голосъ Прилива.

ВЪ БЕЗМѢРНОМЪ ВСЕ.

Въ безмѣрномъ Все я только быстрый атомъ.
Но нѣть меня,—вселенной въ Мирѣ нѣть.
Вселенныхъ—тьма. И свѣжимъ ароматомъ
Цвѣтутъ; цвѣты бездонность пышныхъ лѣтъ.

Въ безмѣрномъ Все я малая былинка.
Но нѣть меня,—нѣть въ Мирѣ красоты.
Безумець! Знай, что въ должный мигъ снѣжанка
Лавину сбросить съ высоты!

ЭЛЕКТРОНЪ.

Электронъ, камень Алатырь,
Горючъ-могучъ-янтарь!
Гори! На нась возсталъ Упырь,
Отвратныхъ гадовъ царь!

Завѣтный камень-Свѣтозарь,
Рожденье волнъ морскихъ!
Какъ въ Морѣ—глубь, въ тебѣ—пожаръ.
Войди въ горючій стихъ!

О, слитокъ горечи морской,
И свѣтлыхъ слезъ Зари!
Электронъ, камень дорогой,
Гори, враждой гори!

Волна бѣжитъ, волну дробя,
 Волна сильный, чѣмъ мечъ!
 Электронъ, я заклять тебя.
 Ты, вспыхнувъ, сможешьъ скечь!

КАМЕНЬ-АЛАТЫРЬ.

На морѣ-Океанѣ,
 На островѣ Буянѣ,
 Межъ камней-богатырь
 Есть Камень-Алатырь.

Онъ блѣль-горючъ и ярокъ,
 Неостудимо жарокъ.
 Красивъ его изгибъ,
 Кипитъ тотъ Камень-кипъ.

Горитъ тотъ Камень-чудо,
 Что лучше изумруда.
 Онь каждый мигъ—живой,
 Тотъ Камень солнцевой.

Подъ Камнемъ тѣмъ скрыта
 Мечта, что не изжата.
 Спѣши къ нему скорѣй,
 Косинись до тайнъ морей.

Все шире Море, шире.
 На Камень-Алатырѣ
 Сидѣть, въ лучахъ горы,
 Громовница-Заря.

Сидѣть Дѣвица Красна,
 Смѣется безучастно.
 Смѣшники Дѣвы той—
 Рассвѣты надъ водой.

А разъ придетъ охота,
Совсѣмъ тотъ смѣхъ безъ счета,—
Смѣяться такъ вачнеть,
Что моляія сверкаетъ.

Все звонче смѣхъ пѣвучій,
Пожаромъ рдѣютъ тучи.
Огниста Красота,
Свѣтла ея фата.

На морѣ-Океанѣ,
На остроуѣ Буянѣ,
Я Дѣву ту любилъ,
У ней въ гостяхъ я былъ.

Я былъ на этомъ Камнѣ,
И заговоръ дала мнѣ
Она, въ Огнѣ живомъ,
На Камнѣ солицевомъ.

О, заговоръ тотъ властныи!
Онъ данъ мнѣ Дѣвой страстной.
Все покорю я съ ней.
Гори, Огонь, сильнѣй!

Лишь Камень кто изгложетъ,
Тотъ заговоръ мой сможетъ
Лишить его лучай.
Гори, Огонь, скорѣй!

Но Камень кто жъ изгложетъ,
Кто пламень превозможетъ?
Привѣтъ сіянью дней.
Гори, Огонь, сильнѣй!

ВОЗЗВАНИЕ КЪ ПЕРУНУ.

Ужъ льды въ рѣкахъ прошли,
Звени въ скопленьи тѣсномъ,
Ужъ молніи цвѣли
На Деревѣ небесномъ.

А дерево росло,
Во славу Человѣка,
Съ вѣтвей своихъ, снѣтло,
Роняя медь и млеко.

Ропяя чудо-сны,
Основу пѣснопѣнья,
Съ воздушной вышины
Лучистые каменья.

Исполин же теперь,
Перунъ, слова обѣта,
Раскрой въ темницахъ дверь,
И выпусти мнѣ лѣто.

Скорѣй, скорѣй, Перунъ,
Что должно, то исполни,
И дай мнѣ звоны струнъ,
И дай цвѣты изъ молній!

КЪ ПЕРУНУ.

Богъ вѣтровъ и бурныхъ грозъ,
Богъ Славянъ, Перунъ,
Ты мнѣ даль волни волось,
Зодотистыхъ струнъ.

Струнъ курчавыхъ, не прямыхъ,
Свѣтлыхъ завитковъ,
Золотистый далъ мнѣ стихъ,
Много далъ стиховъ.

Богъ пожаровъ между тучъ,
Грезы огневой,
Ты велѣлъ мнѣ: Будь пѣвучъ,
Въ жизни—будь живой.

Велѣ ты молніи въ мой стикъ,
И сказалъ мнѣ:—Жги.
Богъ пожаровъ грозовыхъ,
Предо мной—враги.

Богъ зиждительныхъ дождей,
Влаги и огня,
Въ яркомъ пламени страстей
Не покинь меня.

Дай мнѣ, дай мнѣ взрывовъ злыхъ
Для журчанья струнъ,
Местью сдѣлай ты мой стихъ,
За моихъ, Перунъ!

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ГРОЗЪ.

Красной калпной покой свой убравъ,
Принеся въ него много лѣсныхъ, стрѣловидныхъ, какъ
будто отточенныхъ, травъ,
Я смотрю, хорошо ль убрана моя хата,
И горить ли въ ней сѣребро, ярко ли злато.
Все какъ и нужно кругомъ.
Мысли такія же въ сердцѣ, сверкаютъ, цвѣтятся огнемъ.
Сердце колдуетъ.
Что это? Что это тамъ за окномъ?

Дрогнула молния въ Небѣ! Темнѣеть оно. Негодуетъ?
 Или довольно, что въ этомъ воть сердцѣ пожаръ?
 Вѣтеръ прерывисто дуетъ.
 Громъ.
 Гулко гремитъ за ударомъ ударъ.
 Длится размахъ грозового раската.
 Свѣтится золотомъ малая хата.
 И, опоясанъ огнемъ,
 Въ брызгахъ, въ взломахъ червленаго злата,
 Въ рокотахъ струиъ,
 Сия алмазы продольнымъ дождемъ,
 Въ радостяхъ бури, въ восторгѣ возврата,
 Мчится—Перунъ.

ЗМѢЯ-МѢДЯНИЦА.

Змѣя-Мѣдяница, иначе Мѣдянка,
 Годъ цѣлый бываетъ слѣна.
 И пусть передъ нею любая приманка,
 Она неподвижно-тупа.
 Но дивныя чары Ивановой ночи
 Ей острое зренье даютъ.
 Сверкаютъ змѣйные рдинные очи,
 Смотри, не встрѣчайся ей тутъ.
 Хоть будь ты одѣтъ передъ нею бронею,
 Бороться, надѣяться, брось,—
 Она, на врага устремившись стрѣлою,
 Его пробиваетъ насквозь.

Змѣя-Мѣдяница, что разъ только лѣтомъ
 Являетъ всю силу свою,
 Знакома съ Перуновымъ огненнымъ цвѣтомъ,
 Онъ рдинную любить змѣю.
 Въ лѣсу, изъ гненія гадовъ зловредныхъ,
 Трава-Мѣдяница ростетъ,

И ночью Ивановой, въ отблескахъ мѣдныхъ,
 Цвѣтъ огненный недруга ждетъ.
 И горе, коль ты, этой чары не зная,
 По чащѣ пойдешь на авось,—
 Трава-Мѣдяница, взметнувшись, живая,
 Брага пробиваетъ насквозь.

СКУПЕЦЪ.

РУССКОЕ СКАЗАНИЕ.

Богъ Землю сотворилъ, и создалъ существа,
 Людей, звѣрей, и птицъ, и мысли, и слова,
 Взошла зеленая, желая нить, трава.

Богъ Землю сотворилъ, и вдунулъ жизнь въ живыхъ,
 Но жаждали они всей силой душъ своихъ,
 И Богу создалъ Богъ для жаждущихъ земныхъ.

Изрыль Онъ ямыны огромныя въ землѣ,
 Онъ русла проложилъ, чтобы течь ручьямъ во мглѣ,
 Ключь брызгущій исторгъ изъ мертвыхъ глыбъ въ скаль.

И птицамъ, чья судьба—близъ тучъ небесныхъ быть,
 Кому такъ свойственно порывъ вѣтровъ любить
 Велѣль Онъ помогать, чтобы всѣ имѣли нить.

Низвергнувъ съ высоты беамѣрности дождей,
 Онъ птицамъ повелѣль нести ихъ въ ширь полей,
 Уравнивать моря, кронить, понять ручей.

Повиновались всѣ. Дождимъ пришелъ юнецъ.
 И лишь была одна, чье прозвище скупецъ,
 Ничтожно-малая, какъ бы павѣкъ птенецъ.

Скупецъ чиркнулъ такъ: Не нужно мнѣ озеръ.
Не нужно мнѣ морей. Зачѣмъ мнѣ ихъ просторъ?
На камни я напьюсь. Помочь другимъ? Вотъ вздоръ!

Разгневался Творецъ, уставилъ скалу дробить.
И въ жаждѣ навсегда велѣлъ скупу Онь быть.
И вѣченъ пискъ скупца. Пить, пить, кричить онъ, пагъ.

ЗАГОВОРЪ

ОТЪ ДВѢНАДЦАТИ ДѢВИЦЪ.

Подъ дубомъ подъ мокрецкимъ,
На тѣхъ горахъ Леопольскихъ,
Сидитъ Пафнютій старецъ,
Тридцать старцевъ съ нимъ.
Двѣнадцать идутъ къ нимъ
Дѣвицъ простоволосыхъ,
Дѣвицъ простоноясныхъ,
Не по-людски идутъ.
Рече Пафнютій старецъ:
Кто къ намъ сія идоша?
Рекутъ ему дѣвицы:
Всѣ—дщери мы Царя.
Отецъ нашъ есть Царь Иродъ,
Идемъ знобить мы кости,
Идемъ мы тѣло мучить,
Двѣнадцать дѣвицъ.
Ко старцамъ обращаясь,
Рече Пафнютій старецъ:
Сломате по три прута,
П бити станемъ ихъ.
По угленихъ три зори,
По три зари вечеринихъ,
Взять каждый по три прута,
Ненадно станемъ бить.

Къ тринаадесяти старцамъ,
 Къ Пафнутію, ко старцу,
 Взмолились тутъ дѣвицы,
 Въ ищто ихъ бысть мольба.
 Начаша старцы бити,
 Ихъ бити, имъ глаголя:
 Ой вы еси, дѣвицы,
 Деїнаадесять дѣвицы!
 Вы будьте, тресуницы,
 Вы будьте, водяницы,
 Рааслабленны и халы,
 Живите на водѣ.
 На ней, на студеницѣ,
 Вамъ мѣсто, а не въ мірѣ,
 Вы кости не зиобите,
 Не мучьте вы тѣла.
 Въ тартарары идите,
 Деїнаадесять проклятыхъ,
 Вамъ въ морѣ-окіанѣ
 И въ преисподній быть.
 Въ трясинахъ, на болотахъ
 Вамъ мѣсто, окалинымъ.
 Недуги, при nedуги,
 Полгунедуги, прочь!

ЛИХО.

УКРАИНСКАЯ СКАВКА.

Жить было душно. Совсѣмъ погибалъ я.
 Въ лѣсь отошелъ я, и Лиха искалъ я.
 Думу свою словно тяжесть несу.
 Шелъ себѣ, шель, и увидѣль въ лѣсу
 Замокъ желѣзный. Кругомъ—черепа, частоколомъ.
 Что-то я въ замкѣ найду?
 Можетъ, такую бѣду,
 Что навсегда позабуду, какъ можно быть въ жизни веселымъ?

Все же иду
 Въ замокъ желѣзный.
 Вижу, лежитъ Великанъ.
 Ведь у него затрапезный.
 Тученъ онъ, грязенъ, и нагхъ, и какъ будто бы пьянъ.
 Кости людскія для мерзкаго—може.
 Лихо! Вокругъ него—Злыдни, Журьба.
 А по угламъ, вкругъ стола, по стѣнамъ, вмѣсто сидѣній, гроба.
 Лихо! Ну что же?
 Я Лиха искалъ.
 Страшное Лихо, сѣпое.
 Подчуетъ гостя. „Поѣшь-ка“. Миѣ голову мертвую дай.
 Взялъ я ее да подъ лавку. Лицо усмѣхнулось тупое.
 „Скушалъ?“ спросилъ Великанъ.
 „—Скушалъ“. Но Лихо ужъ зналъ, какая споровка
 Тѣхъ, кто въ бѣсовскій заходить туманъ.
 „Гдѣ ты, головка-мутовка?“
 „—Здѣсь я, подъ лавкою, здѣсь“.
 Жаромъ и холодомъ я пренсполнился весь.
 „Лучше на столъ ужъ, головка-мутовка.
 Скушай, голубчикъ, ты будешь, самъ будешь, вкуснѣй“.
 Въ эту минуту умножилось въ мірѣ число поблѣдившихъ людей
 Поднялъ я мертвую голову, спряталъ на сердцѣ. Уловка
 Миѣ помогла. Повторился вопросъ и отвѣтъ.
 „Гдѣ ты, головка-мутовка?“
 „—Здѣсь я подъ сердцемъ“.—„Ну, сѣдна значитъ“, подумалъ
     дуракъ-людоѣдъ.
 „Значить, чередъ за тобой“, закричало миѣ Лихо.
 Бросились Злыдни сѣпые ко миѣ, вшаталась слѣпая Журьба.
 Въ нежитей черепомъ тутъ и ударили, и закинула борьба.
 Бились мы. Надалъ я. Былъ ихъ. Убийствъ ихъ. И въ замкѣ же-
     лѣзномъ вдругъ сдѣлалось тихо.
 Вольно вздохнулъ я. Да здравствуетъ воля, понявшаго чудищъ, раба!

ТРИ БЫЛИНКИ.

БАГОВОРЪ.

Все мнѣ греются мысли о волѣ.
 Выхожу я изъ дома самъ-другъ,
 Выхожу я во чистое поле,
 Прихожу на зеленый лугъ.
 На лугу есть могучія зелья,
 Въ нихъ есть сила, а въ силѣ веселье.
 Всѣ цветы, какъ и быть надлежитъ, по мѣстамъ
 И, мечту затаявъ въ себѣ смѣлую,
 Три былинки срываю я тамъ,
 Красную, черную, бѣлую.
 Какъ былинку я красную буду метать
 Такъ далеко, что здѣсь никому не видать,
 За шумящее спнес Море,
 Къ краю міра, на самый конецъ,
 Да на островъ Буянъ, что въ кипящемъ просторѣ,
 Да подъ мечъ-кладепецъ.
 Зашумитъ и запѣнится Море.
 А былинку я черную бросить хочу
 Въ чащу лѣса узорнаго,
 Я ее покачу, покачу
 Подъ ворона чернаго.
 Онь гибадо себѣ свилъ на семи на дубахъ,
 А въ гибадѣ томъ узечка поконится бранная,
 На дубовыхъ вѣтвяхъ,
 Заклятая, для сердца желанная,
 Съ богатырскаго взята копя.
 Упадеть та узечка, блестя и звеня.
 Вотъ былинка еще остается мнѣ, бѣлая,
 Я за поись узорчатый эту былинку заткну,
 Пусть колдуетъ она, онѣмѣлая,
 Тамъ завить, тамъ зашить, зачарованъ колчанъ,
 Въ заостренной стрѣлѣ заложилъ я весну.

Тремъ былинкамъ удѣлъ побѣдительный данъ,
 И мечта—какъ пожаръ, если смѣлая.
 Миѣ отъ красной былинки есть мечъ-кладенецъ,
 Миѣ отъ черной былинки есть взызданный конь,
 Миѣ отъ бѣлой былинки—мечтаний конецъ—
 Есть колчанъ, есть стрѣла, есть крылатый огонь.
 О, тенеръ я доволенъ, я счастливъ, я радъ,
 Что на свѣтѣ есть врагъ-супостать!
 О, на этомъ веселомъ зеленомъ лугу
 Я павстрѣчу бросаюсь къ врагу!

НАГОВОГЪ НА НЕДРУГА.

ВОРОЖБА.

Я ложусь, благословясь,
 Встану я, перекрестясь,
 Изъ избы пойду дверями,
 Изъ сїней я воротами
 Противъ недруга иду.
 Позабывши о неволѣ,
 Тамъ, далече, въ чистомъ полѣ,
 Раноутренней росою
 Освѣжуясь, утрусь зарево,
 И зову на бой біду!
 Бѣлымъ свѣтомъ обнадеженъ,
 Краснымъ свѣтомъ опригоженъ,
 Я подтычауся звѣздами,
 Солнце красное надъ нами,
 И въ сїяющей красѣ,
 Какъ у Господа у Бога,
 Изъ небеснаго чертога,
 Алый день встаетъ, ликуя,
 Ненавистника сражу я,
 Да возрадуются всѣ!

ЧЕРВЬ КРАСНАГО ОЗЕРА.

ИРЛАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Въ Донегалѣ, на островѣ, полномъ намековъ и вадоховъ,
 Намековъ и вадоховъ приморскихъ вѣтровъ,
 Гдѣ въ минувшіе дни находилось Чистилище,—
 А быть можетъ и тамъ до сихъ поръ,
 Колодецъ-Пещера Святого Патрика,—
 Предъ бурею въ воздухѣ слышатся шопоты,
 Голоса, привидѣнія звуковъ проходить.
 Они говорять и поютъ.

Поютъ, упрекаютъ, и плачутъ.
 Враждаютъ, и спорятъ, и сѣтуютъ.
 Проходятъ, блѣднѣютъ, ихъ пѣть.
 Кто сядеть тогда надъ серебрянымъ озеромъ,
 Подъ вѣтвями плакучими ивы сѣдої,
 Что надъ глинистымъ сривомъ,
 Тотъ узнаетъ надъ влагой стоящимъ многое,
 Что въ другой бы онъ разъ не узналъ.
 Тотъ узнать, изъ воздуха, многое, многое.

Въ Донегалѣ другое есть озеро, въ чащѣ, Лафъ Дергъ,
 Чтобъ по-нашему—Красное Озеро.
 Но ни въ бурю, ни въ тиши къ его водамъ пельзя подходить.
 Въ тѣ старинные дни, какъ не прибылъ еще
 Къ берегамъ изумрудной Ирландіи
 Покровитель Эрина, Патрикъ,
 Это озеро звалось озеромъ Фина Макъ-Колли.
 И недаромъ такъ звалось оно.
 Тутъ была, въ этомъ всемъ, своя повѣсть.

Жила, въ отдаленное время, въ Ирландіи
 Старуха-колдунья, чудовище,
 Что звалася Вѣдьмою съ Пальцемъ.
 И сыръ былъ при ней, Исполинъ.

Та вѣщая Вѣдьма любила растенія,
 И вѣдала свойства всѣхъ травъ,
 Въ серебряномъ длинномъ сосудѣ варила
 Отравы, на синемъ огнѣ.
 А сынъ-Исполинъ той отравой напаивалъ стрѣлы.
 И смерть, воскрываясь, летѣла
 Съ каждой стрѣлой.
 На каждой рукѣ у Колдуны, какъ будто змѣясь,
 По одному только было
 Длинному гибкому пальцу.
 Да, загибались
 Два эти длинные пальца,
 Въ честь, какъ свистѣла въ разрѣзанномъ воздухѣ,
 Сыномъ ея устремленная,
 Отравой всисенная,
 Безошибочно цѣль достающая, птица стрѣла.
 Вѣльмою съ Пальцемъ
 Было немало подобрано тѣхъ, до кого прикоснулась,
 Ядомъ палитая, коготь-стрѣла.

Въ Ирландіи правилъ тогда король благомудрый Ніуль.
 Онъ созвалъ Друидовъ,
 И спросилъ ихъ, какъ можно избавиться
 Отъ язвы такой.
 Отвѣтъ былъ, что только единный изъ рода Фіоновъ
 Можетъ Колдуны убить,
 И убить ее должно серебряной мѣткой стрѣлой.
 Самымъ, былъ славнымъ и сильнымъ изъ смѣлыхъ Фіоновъ
 Доблестный, звавшійся Фіномъ Макъ-Коллн.
 Сынъ его былъ Оссіанъ,
 Дивный пѣвецъ и прорицатель,
 Видѣвшій многое неизримаго,
 Смышавшій, кроме людскаго,
 Многое то, что звучитъ не среди говорящихъ людей.
 Былъ также славный Фіонъ, звавшійся Гэломъ Макъ-Морни.
 Былъ также юный безпечный, что звался Кунізнь-Міуль.

Всѣ они вмѣстѣ, по слову Друидовъ,
 Отправились къ чащѣ, излюбленной Вѣдьмою съ Пальцемъ.
 Они увидали ее на холмѣ,
 Она собирала смертельный травы,
 И съ нею былъ сынъ-Исполинъ.
 Макъ-Мори свой лукъ натянулъ,
 Но стрѣла, просвистѣвъ, лишь задѣла
 Длинный колдунишъ сосудъ,
 Гдѣ Вѣдьма готовила ядъ,
 Кувырнулся онъ къ синему пламени,
 Ушла вся отрава въ огонь.
 Исполинъ, увидавъ наступающихъ,
 На плечи схватилъ свою мать
 И помчался впередъ,
 Съ быстротой поразительной,
 Черезъ топи, овраги, лѣса.
 Но у Фина Макъ-Колли глаза были зорки и руки увѣрены,
 И серебряной мѣткой стрѣлой
 Произилъ онъ вѣдовское сердце.
 Гигантъ продолжалъ убѣгать.
 Онъ съ ишней своей уносился,
 Пока не достигъ, запыхавшись,
 До горъ Допегаль.
 Предъ скатомъ онъ шагъ задержалъ,
 Назадъ оглянулся,
 И, вздрогнувъ, юнѣдѣлъ,
 Что былъ за плечами его лишь скелетъ:
 Сведенныя руки ноги, да черепъ безглазый, извѣнья спинного хребта.
 Онъ бросилъ останки.
 И вновь побѣжалъ Исполинъ.
 Съ тѣхъ поръ ужъ о немъ никогда ничего не слыхали.

 Но нѣсколько лѣтъ миновало,
 Смѣнились зимы и весны,
 Не разъ уже лѣто, въ багряныхъ и желтыхъ
 Листахъ, превратилося въ осень,

И тъ же, все тъ же изъ славныхъ Фіоновъ
 Охотились въ мѣстности той,
 Слыкались, кричали, смыкались, шутили,
 Гнались за оленемъ, и мѣста достигли,
 Гдѣ кости лежали, колдуны скелетъ.
 Умолкли, былое припомнивъ, и молча
 Напѣвы о смерти слагалъ Оссіанъ,
 Вдругъ карликъ воинъ, рыжевласый, серъезный,
 И молвилъ: „Не троните костей.
 Изъ кости берцовой, коль тронете кости,
 Червь глянетъ, и выползть онъ,
 И если напиться найдетъ онъ довольно,
 Весь міръ можетъ онъ погубить“.
 „Весь міръ“, прокричалъ этотъ карликъ серъезно,
 И вдругъ, какъ прыгель, такъ исчезъ.
 Молчали Фіоны. И въ слухъ Оссіана
 Какие-то шопоты стали вноситься,
 Тихонько, невѣрно, повторно, напѣво,
 Какъ будто бы шелестъ осоки подъ вѣтромъ,
 Какъ будто надъ влагой паденье листовъ.
 Молчали Фіоны. Но юный безпечный,
 Что звался Куніэнъ-Міуль,
 Былъ малый веселый,
 Былъ малый смѣшилый,
 Куда какъ смѣшонъ былъ ему этотъ карликъ,
 Онъ кости берцовой коснулся кошемъ.
 Толкнулъ ее, выползъ тутъ червь волосатый,
 Онъ длинный былъ, тощій, обѣзло-мохнатый,
 Куніэнъ Міуль взялъ его на копье,
 И поднялъ на воздухъ, и бросилъ со смѣхомъ,
 Далеко отбросилъ, и червь покатилася,
 Упалъ, не на землю, онъ въ лужу упалъ.
 И только напился изъ лужи онъ грязной,
 Какъ выростъ, надулся, раскинулся тушей,
 И вдоль удлинился, и вверхъ укрѣпился,
 Змѣй волосатой, мохнатымъ Дракономъ,

И бросился онъ къ опрометчивымъ смѣлымъ,
И тутъ-то былъ истинный бой.

Кто знаетъ червей, тотъ и знаетъ драконовъ,
Кто знаетъ Змѣю, тотъ умѣеть бороться,
Кто хочетъ бороться, тотъ знаетъ побѣду.
Побѣда къ безстрашнымъ идетъ.
Но какъ иногда ее дорого купишь,
И сколько въ бореніи крови прольется,
Объ этомъ теперь говорить я не буду,
Не стоитъ, не нужно сейчасъ.

Я только скажу вамъ, кто внемлетъ напѣву,
Я былъ въ Донегалѣ, на островѣ вздоховъ,
Я былъ тамъ подъ ивой сѣдой,
Я многое видѣлъ, я многое слышалъ,
И вотъ мой завѣтъ вамъ: Не троныте костей.
Коль иѣть въ томъ нужды, такъ костей вы не троныте,
А если такъ нужно, червя не поите,
Напиться не дайте ему.
Такъ мнѣ разсказали на островѣ древнемъ,
Предъ бурей, надъ плагой, надъ глинистымъ срывомъ,
Сказали мнѣ явственно тамъ
Шопоты въ воздухѣ. Въ воздухѣ.

ГРОМОВЫЙ КАМЕНЬ.

Громовый Камень былъ какъ мертвый гнѣть
И шли часы. И каждый день былъ годъ.
И шли года. Но въ царствѣ мертвыхъ льдовъ
Ходила Мысль дорогою вѣтровъ.

Ходила, и будила, говоря,
Что красная готовится заря,
Что мертвый камень, нынѣ тяжкій сводъ,
Громовыми цвѣтами зацвѣтеть.

Въ моряхъ небесъ будя и въсь и дно,
Сплема она завѣтное Руно.
Враждебности въ незримомъ созвала,
Глазамъ вражды въ глава взглянуть дала.

Дождемъ обильнымъ рухнули мечты.
Громовыи Камень сброшенъ съ высоты.
И спснущтость, въ свободу превратясь,
Въ громовыи часъ расцвѣтами взяглась.

ПРАЗДНИКЪ СЖИГАНЬЯ.

Отъ колеса солицевой колесницы
Небесныи огонь долетѣть до людей,
Факель важдегъ для умовъ, въ ореолѣ страстей.
Отъ колеса солицевой колесницы
Кто-то забросилъ къ намъ въ души зарницы,
Даль намъ властительность чаръ,
Тайну змѣиныхъ свѣчей,
Для созванія змѣй
На великій пожаръ,
На праздникъ сжиганья змѣиныхъ изношенныхъ кожъ,
Чешуйчатыхъ звеній,
Когда превращается старая ложь,
И дохмотыя затменій,
Во мракѣ ночномъ,
Въ торжествующій блескъ самоцвѣтныхъ горѣній,
Тишина обращается въ громъ,
И плашутъ, къ Востоку отъ Запада, въ небѣ, кругомъ,
Къ пизинамъ отброшены вышиней пучиной,
Сипія молніи, сипія молніи. чудо радѣнья громовыхъ лучей,
Слившихся съ дрохлю свѣтло-изумрудныхъ, хмѣльныхъ новизною,
змѣиныхъ очей.

О, праздникъ змѣиный!
О, звенья сплетенныхъ,
Огнемъ возрожденныхъ,
Ликующихъ змѣй!

НА СИНЕМЪ МОРЪ.

ЗАГОВОРЪ.

Есть свѣтлое Синее Море,
На свѣтломъ на Синемъ на Морѣ,
Есть Островъ, на Островѣ Камень,
И Островъ и Камень тотъ—синь.
На Камени, въ синей одеждѣ,
Сидѣть Человѣкъ бѣлолицій,
И лукъ у него безтетивный,
Лукъ синій для синихъ пустынь.
И синей стрѣлою безъ перьевъ
Стрѣляеть онъ въ притчи, въ призоры,
Во всякую нечисть, въ притворства,
Въ тѣлесный и въ думный изломъ.
Въ Серебряномъ Морѣ, напротивъ,
Серебряный Островъ и Камень,
Серебряный кто-то на Камнѣ
Ему отвѣчаетъ какъ громъ.
Ему подпѣваетъ пособио,
Стрѣла за стрѣлой улетаетъ,
Надъ дивной Рѣкой поперечной
Огонь разрастается, синь.
Такъ сгиньте же, ковы, призоры,
Разсѣйтесь вы, притчи и чары,
Л стрѣлы вамъ здѣсь заостряю,
Аминь, говорю я, аминь.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ФЕЙНЫЕ СКАЗКИ.

	Стр.
Посвящение	7
1. Фея.	
Фея	11
Наряды феи	11
Прогулка феи	12
Фея за дъломъ	13
Находка феи	14
Рѣшеніе феи	16
Забавы феи	16
Вѣтерокъ феи	17
Чары феи	18
Трудно февъ	18
Безпорядки у феи	18
Фея въ гнѣвѣ	19
Фейная война	20
Волкъ феи	22
Фея и бронзовка	23
Фея и сиѣжинки	24
Три песчинки	24
Шелковница	24
2. Дѣтскій міръ.	
Дѣтскій міръ	27
Утро	28
У чудищъ	28
Сказочки	29
Заниѣка	29
Кошкінъ домъ	30
Дѣтская пѣсенка	30
Глупенькая сказка	31

	Стр.
Трясогузка	31
Смѣшной старикъ	32
Гномы	33
Русалочка	33
За грибами'	34
Колыбельная пѣсни	35
Родникъ	36
Новый день	37
Раковинки	38
Цвѣтокъ	38
 3. Былки.	
Какъ я пишу стихи	41
Лучше	41
Зерно	41
Росинка	42
Льсные кораллы'	43
Капли смолы	44
Грозовой костеръ	44
Береза	45
Смѣхъ ребенка	45
Анютины глазки	46
Бабочка	46
Золотой и синій	47
Наутники	47
Онь спросить меня	48
Безсмертники	48
Веселая осень	49
Осенніяя радость	50
Осень	50
Осенній воздухъ	50
Изморозь	51
Бусинки	51
Къ зимѣ	51
Сѣдой одуванчикъ	52
Измѣнчивость	52
Зима	53
Одуванчикъ	54
Спѣжинки	54
Фей	54
Тоньше	55
Русалка	55
Свѣтлый мѣръ	56

ЗЛЫЯ ЧАРЫ.

1. Отсвѣты раковинъ.

	Стр.
Зовъ	61
Но если	61
Оргія Жиани	62
Талисманы	63
Ширь Любви	63
Грѣхъ	64
Смѣна чаръ	64
Ребенокъ	65
Дѣтство	65
Тучка	66
Избушка	68
Дни строя	68
Въ моряхъ ночей	69
Зимніе валы	69
Омутъ	70
Призраки	70
Слышенное изморье	71
Надъ Моремъ	72
Ходъ морей	72
Не знаю	73
Круговоротъ	73
Домой	74
Чудовище съ клеймомъ	75
Молитва послѣдняя	75
Мировыя Розы	76
Заколдованное поле	76
Одолень-Трава	78
Мировое Древо	80
Къ Небу	80
Свѣтъ вечерний	81
При Морѣ черномъ	82
Въ путь	82
Къ Норнамъ	83
Тѣсный гротъ	83
Путь туда	84
Синій Камень	85
Всебезпрѣютность	85
Близъ Синяго камня	86
Вопль	86
Отсвѣты	87

2. Амулеты изъ агата.

	Стр.
Черные вороны	91
Амулеты изъ агата	91
Крикъ	93
Ночничный часъ	93
Круги	94
Индійскій тотемъ	94
Святой Георгій	95
Ветръча	96
Призрачный павать	96
Тетенька изъ села	97
Подмѣнышъ	98
Нѣть слезъ	101
Отзвукъ Народнаго	102
Зоря-Зорянница	102
Заклинаніе	104
Амулетъ	104
Драконитъ	105
Притча о Великанѣ	107
Тринадцать Сестеръ	109

3. Синія молнія.

Въ безмѣромъ Все	113
Электронъ	113
Камень-Алазырь	114
Воззваніе къ Перуну	116
Къ Перуну	116
Заклинательница грозы	117
Змѣя-Мѣдянница	119
Скупецъ	119
Заговоръ отъ Двадцати Дѣвицъ	120
Лихо	121
Три былинки	123
Наговоръ на Недруга	124
Червь Краснаго озера	125
Громовыи Камень	129
Праздникъ Сжиганья	130
На Сиамъ Морѣ	131

КАТАЛОГИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВЪ

«СКОРПИОНЪ», «МУСАГЕТЬ» И «АЛЬЦОНА»

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СКОРПИОНЪ»

АВГУСТЬ 1911 Г.

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Земные Ступени. Элегии. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Н. Д. Бальмонтъ. Полное собрание стиховъ.

Томъ I. (Подъ съвернымъ Небомъ. Въ безбрежности. Тишина).
М. 1908. Издание третье. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горлиція Зданія). Издание третье. М. 1908. Ц. р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Издание третье. М. 1908.
Ц. 1 р. 50 к.

Томъ V. (Литургія Красоты). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VI. (Фейные Сказки. :Злыя Чары). Изд. 2-е. М. 1911. Ц.
Томы IV, VIII, IX. (Готовится къ печати).

Томъ VII. (Жарь-Птица). Фронтиспісъ К. Сомова. М. 1907.
Ц. 2 р.

Томъ X. (Хороводъ Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собр. стиховъ 1892—1909 гг.
Томъ I. Стихи 1892—1909 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse.
Tertia Vigilia). Вторая тысяча. М. 1907 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902—1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos). Вторая
тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы). Вторая тысяча.
М. 1909. Ц. 2 р.

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлы. Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ.
Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верзинъ. Собрание стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова.
М. 1911. Ц. 2 р.

Юрій Верховский. Разныя стихотворенія. М. 1908 г. Ц. 80 к.

З. Н. Гиппель. Собрание стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гумилевъ. Жемчуга. Стихи. Обложка Д. Кардовскаго. М. 1910 г.
Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка
Н. Феофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Сог Ardens. Томъ I. (Cor Ardens. — Speculum
Speculorum.—Эресь.—Золотыя Завѣсы). Фронтиспісъ К. Сомова
(хромолитографія). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.

- Вячеславъ Ивановъ. Сог Ardens. Томъ II. (Любовь и Смерть.—Rosa-trium). (Печатается).
- М. Кузминъ. Съти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ил. Коневский. Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений съ портретомъ автора. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904. Ц. 2 р.
- Николай Морозовъ. Звѣздный пѣсни. Съ 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к. (Наложенъ арестъ).
- Федоръ Сологубъ. Собрание стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оскаръ Уайлдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта. Обложка М. Дурикова. М. 1904 г. Ц. 50 к.
- Уольтеръ Уитманъ. Побѣгъ травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 80 к. (Наложенъ арестъ).

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Рассказы и драматическая сцены. 2-е, дополненное изд. Иллюстрации Альберто Мартини. М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.
- Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ немецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаниями. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Андрей Бѣлы. Серебряный Голубь. Повѣсть въ семи главахъ. Обложка П. Уткина. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
- Андрей Бѣлы. Съверная симфонія (1-я, герническая). Въ 4 части. Обложка по рисунку Обри Бердслея. М. 1904 Ц. 75 к.
- Андрей Бѣлы. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обл. А. Федотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Кнутъ Гамсунъ. Съеста. Очерки и рассказы. Переводъ съ норвежского С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.
- М. Кузминъ. Первая книга рассказовъ. (Приключения Эмэ Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь. Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Аним Мейеръ. Кушетка тети Сони. Крылья). М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Кузминъ. Вторая книга рассказовъ. (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиніппѣ. Нѣжный Іосифъ). М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
- Жигадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1905. Ц. 65 к.
- Эдгаръ По. Собрание сочинений въ переводе К. Д. Бальмонта. Томъ I. Поэмы, сказки. (Печатается второе издание).
- Томъ II. Рассказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.
- Томъ III. Страшные рассказы, грошки. М. 1911 Ц. 2 руб.

Томъ IV. Необычайные Приключения (Печатается).

Томъ V. Эврика. Письма. Биография. (Готовится).

Ст. Пшибышевский. Собрание сочинений.

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Феофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906 г. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевский. Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 50 к.

Федоръ Сологубъ. Жало Смерти. Рассказы. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 60 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 50 к.

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Куренскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. Ц. 60 к.

Л. Зиновьевъ-Аникиль. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904 Ц. 1 р. 80 к.

Шарль ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почуяли. Mlle Коcи-Съно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстрациями Н. Феофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лербергъ. Они почуяли. Mlle Коcи-Съно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Морисъ Матерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Матерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905 Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевский. Въчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907 Ц. 1 р.

Оскаръ Уайлдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликкардесуло и А. Куренскаго. Съ 3 портретами О. Уайлда. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ“, „Подруга“, „Зеленый попугай“). Перев. съ немецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

К. Д. Бальмонтъ. Змѣйные цветы. Путевые письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910 г. Ц. 3 р.

Обри Бердслей. Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія.—Артуръ Симонсъ. Обри Бердслей. Монографія.—Обри Бердслей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла.—Обри Бердслей. Заостольная болтовня. Избранные мѣста изъ писемъ.—Подробная иконографія и библіографія.—Примѣчанія.—Портреты, автопортреты, карикатуры.—Воспроизведенія рисунковъ (около 90) Бердслея черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Линклярд опубликованъ (Выйдетъ осенью 1911 г.).

Н. Брюсовъ. Временное и пространственное строение формъ. М. 1911. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Лицейские стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Непепеленный. Къ характеристику Гоголя. 2 изд. М. 1910 г. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Аугеа Рома. Золотой Римъ. Очерки литературы и жизни IV в. по Р. Х. Готовится.

Г. Ландбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ иѣмецкаго М. Семёнова. М. 1902 г. Ц. 70 к.

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хроологическая хроника жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые материалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цветы на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цветы на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цветы. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, рассказы, статьи К. Д. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппиусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, И. Минскаго, В. Роганова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ф. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьевъ, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.

Съверные цветы Ассоционе на 1904—5 гг. Роскошное издание. Содержание: "Три расцвета", драма К. Д. Бальмонта. "Земля", сцены из будущих времен Валерия Брюсова. "Танталь", трагедия Вяч. Иванова. Стихи и рассказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ф. Сологуба, Н. Минского, З. Гиппиус, М. Криницкого, Ю. Чедры, Л. Зиновьевой-Аннибалль и др. Обложка и все украшения Н. Феофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

Съверные цветы на 1911 годъ. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

VI. АЛЬБОМЪ.

Н. Феофилактова. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцветной и многоцветной автотипіей). М. 1908 г. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Куцина. 30 стр. текста + 70 стр. нотъ. Рисунки С. Судейкина и Н. Феофилактова. М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. "ВЪСЫ".

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ издания (1904—1909). 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками известныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ "Въсахъ" напечатаны неизданные стихи, поэмы, рассказы, драмы, статьи, письма, воспоминания русскихъ и иностранныхъ писателей: Ренэ Аркоса, С. Ауслендерса, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынского, О. Бердетта, А. Блока, Валерия Брюсова, Андрея Бызаго, М. Волошина, Эмилия Верхарна, З. Гиппиус, Ренэ Гили, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, И. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Вич. Иванова, В. Кастана, М. Кальюкоресси, Антона Крайнило, А. Кондратьева, М. Куцина, И. Лернера, М. Ликиардопуло, Д. Мережковскаго, В. Морфила, Н. Минского, Дж. Папани, С. Поликова, А. С. Пушкина, Ст. Шибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, И. Рукавишникова, Б. Садовского, Вл. Соловьева, С. Соловьева, Ф. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайлда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ "Въсахъ", воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки сълѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенпрейса, О. Гиліа, К. Вальзер-А. де Каролиса, Р. Костветти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ла-

ріонова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Милоти, Л. Пастернака, О. Радона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерджъ-Мура, С. Судебкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Феофилактова и мн. др.

Значительная часть материала, обнародованная въ „Вѣсахъ“, больше никогда не поглядывалась.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ“ за всѣ шесть лѣтъ изданія—40 руб. безъ пересылки. Отдельные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906—по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909—по 7 руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.)—27 руб., безъ пересылки; 1907 г. отдельно не проплачивается. Пересылка по действительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства. Деньги, причитающіяся за заказываемый изданія, просить высылать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежемъ расходы по наложенню платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ“: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, № 23 (телефонъ 50-89) Изданія к-ва „Скорпіонъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“, Петербургъ, Садовая, 18.

OCT 12 1972

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

FG   Bal'mont, Konstantin
3453   Dmitrievich
B2   Polnoe sobranie stikhov
1914a
t.6

